

Лев Успенский

Издательство «Детская литература»

Л Е В У С П Е Н С К И Й

РАССКАЗЫ
О
ПРАВОПИСАНИИ

*Рисунки
Вадима Гусева*

ЛЕНИНГРАД «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1978

Р2 мл
У-77

Забавная книжка рассказов для ребят начальной школы о правилах правописания. О безударных гласных, глухих и звонких согласных. Об окончаниях в падежах. Несколько слов о том, как помочь беде, когда нельзя изменить слово.

Успенский Л. В.
У-77 Беда с этим козликом. Рассказы о правописании. Рис. Вадима Гусева. Л., «Дет. лит.», 1978.
112 с. с ил.

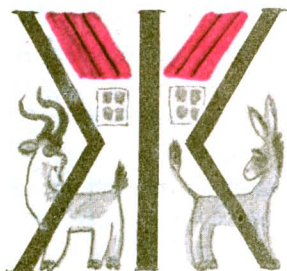
Забавные рассказы о правописании для учащихся начальной школы.

Р2

© Издательство «Детская литература», 1978 г.

70802—104
У ————— 395—78
М101(03)—78

КОЗЛИК И ОСЛИК

или-были друг напротив друга Козлик и Ослик. Дружно жили, ничего сказать нельзя: улица тихая, направо избушка Козла, налево — Осла. Вечером сядут каждый у своего окошка, смотрят на небо и тихо беседуют. Никаких ссор! А чего им делить? У Осла четыре ноги и у Козла — четыре. У Козла хвост один, так и у Осла — один.

Правда, у Козла рога есть, так у Осла зато — на хвосте великолепная кисточка. У Козла на каждой ноге по два копыта, а у Осла — по одному. Ну, а зато у Осла уши какие! У Козла борода есть, но — что там такими пустяками считаться?.. Мелочи!

Теперь имейте в виду: и паслись они, друг другу не мешая. Осёл на низменных луговинках обедал и ужинал, а Козёл всё по скалистым кручам карабкается. «Там, — говорит, — горные травки лучший аромат имеют!»

Так что делить им было нечего...

Но ослы с козлами предполагают, а небеса, как говорят, располагают.

Вышел однажды Осёл утром на крылечко продышаться, глядь — новинка. Через улицу Козёл на своей двери медную дощечку прибил и на той дощечке велел выгравировать:

КОЗЁЛ

Развёл копытами Осёл, перешёл улицу, одел очки, читает. Нет, верно, так и написано: «К-О-З-Ё-Л». Это надо же!

Не поленился Осёл, крикнул:

— И-а! И-а!.. Казёл, а Казёл!

Отворил Козёл окошко, зевнул:

— Что так рано поднялся? Чего взыскался? Зачем меня не вовремя будишь?

— Друг милый, — отвечает Осёл. — Как же тебя не будить? Почему у тебя неестественно написано: «КО-зёл»? Ведь все приличные соседи тебя искони веков как называют, как твоё гордое имя произносят? Ясно: «КА-зёл»! А ты что же, фасонишь?

— Беда, — говорит Козёл, — коль сапоги начнёт тачать пирожник! Каким же я могу быть КА-злом, если ты же сам зовёшь меня КО-зликом. От слова КОЗЛИК получается Козёл! Это вот уж ты, коли на то пошло, должен себя писать А-сёл. И от слова А-сёл получится А-слик. Значит, ты — Аслик, Аслик. Ха-ха-ха! И супруга твоя — Аслица. И сорванцы твои — Аслята. Вот как!

— Ну что ты выдумываешь? — начинает сердиться Осёл. — Не от А-слик — Асёл, а, наоборот, от О-сёл — Ослик!

— Ну и грамотей! — всплеснул ногами Козёл. — Да где это видано, чтобы имя убольшительное происходило от имени уменьшительного? Конечно, от А-сёл — А-слик!

— Ещё придумал! А сам только что сказал: от КО-злик — КО-зёл! Тогда и ты — от уменьшительного.

— Не ври, — блеет Козёл. — И слышать тебя не хочу. Я — ИСКЛЮЧЕНИЕ!

Хотел уже Козёл рогами свою правду доказать, да видит, у осла на задних ногах тоже — здоровые доказательства: ещё неизвестно — кто кому докажет? Походили они, походили друг около друга, поглядели друг на друга, как волки на овец, но в конце концов присмирели.

— Вот что, — говорит Козёл. — Рассуждения твои, конечно, а-слиные, но давай как в басне — усядемся на лужок под липки да пораздумаем: что же это за чепуха получается?

У Осла характер сносный: согласился. Пошли, достали классную доску, мел и давай умами раскидывать.

— Смотри, — говорит Козёл, — смотри, поглядывай да мозгами пошевеливай: как оно так получается? Вот я пишу:

ОСЕЛ — ОСЛИНЫЙ — ОСЛЕНОК

ОСЛИЦА — ОСЛОУМИЕ...

— Говори, да не заговаривайся! — вспыхнул как маков цвет осёл. — Нет такого слова — ОСЛОУМИЕ!

— Ладно, ладно, — это Козёл-то блеет, — неважно, что нет: должно было бы быть! Главное — что? Везде я написал «О». А теперь давай эти же слова возьмём, да благим матом и крикнем, чтобы эхо их повторяло. Ну, начинаю: О-сёл!

И эхо издали так явственно, чисто: «А-сёл!»

— КО-зёл! — взревел Осёл.

А эхо мелодично отвечает: «КА-зёл!»

— О-слиный! — как умеет блеет Козёл.

Но эхо точно показывает, как он крикнул: «А-слиный!»

— Погоди, погоди, — заторопился Козёл, — не будем рычать друг на друга, как львы. Значит, что получается? Когда пишем, — всё выходит в порядке: О-сёл — О-слиный — О-слёнок...

— КО-злица — КО-злонравие, — подхватил Осёл.

— Нет таких слов: «Козлица, козлонравие»! — буркнул Козёл.

— Нет, так будут! — упрямо ответил Осёл. — Будут!

— А как только вместо того, чтобы писать, начинаем говорить, получается: Асёл — Аслиный — Аслёнок...

— КАзлица — КАзлонравие...

— Ну ладно, ладно... И ведь что странно: писать так и нужно — «О», а говорить обязательно «А». Попробуй-ка, прочитай-ка вслух нашу басню: «О-сёл, КО-зёл да кОсОлапый Мишка» — и сейчас же тебе учительница скажет: «Козлов, откуда это ты приехал, что так на «О» говоришь? А ну, пойдёшь к доске, напиши эти строки...»

— Вот в том-то и дело, — засопел Осёл, — попробуй, подойди к доске, напиши: «Асёл, Казёл да касалапый Мишка» — и сейчас же тебе двойку в журнал. Я уже пробовал.

Посидели, подумали.

— А знаешь, Асёля, — сказал Козёл, — может быть, пойти нам по свету, с другими поговорить? Вон с Лошадью, с Собакой, ну и с Кошкой... Они все вокруг человека вертятся, авось объяснят нам, что и как. А вдруг мы с тобой и впрямь исключение! Вот-то здорово бы было!

сталинская

кошк
кашка

гребневая

— А чего же тут «здорового»? — пожал плечами Осёл. — Исключение — что это такое?

— Исключение? Это значит: Я — «чемпион»! Исключительный!

— А! Ну, тогда — пойдём, пожалуй. Узнаем!

Пошли. Шли-шли, видят, на пороге дома рыжая звёрюшка сидит, себе мордочку намывает: кошка!

Подошли, уставились, как полагается, в землю лбами.

— Здравствуй, Кошка! — говорит вежливо Козёл.

А кошка, продолжая умываться, отвечает глухо: «Я не кошка».

— Вот тебе на! А кто же ты?

— Я — КОТ, кошкин супруг и повелитель.

— Ай-яй-яй! — удивились странники. — Значит, ты — КОТ, а она — КОш-ка? А если у вас сыночек народится, ему как будет имечко?

— Сыночку? КО-тик!

— А дочурка если?

— Если девчонка, тогда — кОшечка!

— Ах, как удобно! — захлопали в копыта Козёл и Осёл. — Значит, у вас в каких-нибудь уменьшительных или даже непохвальных словах — во всех равно всегда «О» пишется?

— Вот в этих, которые я вымаячил, «О» и пишется и говорится! — гордо заявил кот, ставя хвост трубой.

— А в других?

— А про другие я и говорить не хочу... — Тут кот разлёгся на солнышке. — Да нет, что там?! Если вообще наши детишки, так они называются «котятa». Пишутся — «котятa», а выговариваются даже не поймёшь как. Но скорее «катятa». И когда один — всё равно выходит: кОтёнок — кАтёнок — не разберёшь.

— А вот хвостик у вас — чей, с вашего разрешения?

— Этот-то? Да можно сказать «кАтиный», а можно «кАшачий».

— А ежели написать?

— А пишут всё равно: «кОтиный» и «кОшачий».

Махнули Козёл и Осёл в огорчении хвостами, топнули копытами и пошли прочь.

— Никакие мы с тобой, Козёл, не исключения, не чемпионы.

— Ладно уж! — отвечает Козёл. — Не терзай ты меня! Но всё-таки вот что мне хотелось бы узнать: а от чего это зависит? В некоторых названиях — выходит так, что как говорится, так и пишется, и никаких сомнений нет. Вот, например: Кот. Уж его ни «кАт», ни «кЕт», ни «кУт» — никак не назовёшь. Да и «кОшку» тоже. КОшка — это одно, а КАш-ка — совсем другое...

— Счастливица! — глухо проворчал Осёл. — Гречневая кошка! Сиамская кашка! Да, но почему же тогда на слове «кашачье» её счастье кончается? Почему «кА-тята» — такие же бедолаги, как и мы? Пишутся «кО-тята», а выговариваются «кА-тя-та». Но, заметь, не «ку-тята»! «Ку-тята» — это совсем другое. Это собачкины сыночки-дочурки. И не «ки-тята». Ай-ай-ай, как мудрёно устроено: КА-тята — КУ-тята — КИ-тята!

— Ну что же тут стоять-то на дороге? — пожал плечами Осёл. — Пойдём ещё к кому-нибудь, посоветуемся. Да вон как раз конура. Из неё чей-то нос торчит. Похоже — собака.

Приблизились друзья-приятели к собачьей конуре с осторожностью: собака ведь не кот! Во-первых, опасно, а во-вторых, может быть, это не нос, а хвост и они почивать изволят.

Стали Осёл и Козёл по стойке «смирно», постояли, покашливали и вежливенько-деликатненько говорят:

— Многоуважаемый! Хозяин дома сего! Разрешите побеспокоить...

И всё-таки собака рассердилась: нрав-то — собачий:

— Гав-гав-гав! Ваф-ваф-ваф! Вуф-вуф-вуф! Почему побеспокоить? Для чего побеспокоить? В каком смысле разрешить?

Козёл прижал переднее правое копыто к сердцу:

— Видите ли, высокочтимый Страж Человеческого Дома, нас с Осликом очень волнует один вопрос. Вот: как Вас изволят звать?

— Как, как! СОБАКА!

— Извиняемся: Собачка — через букву «А» или через букву «О»?

— Гав, гав! Через «О». Через «А» — грубая ошибка! Гр-рубейшая!

Осёл и Козёл сконфузились, потоптались на месте.

— Совершенно правильно: грубейша-ая-ая-ая! Вот так же КА-зёл написать — возмутительно, хотя говорится именно КА-зёл. А пишется КО-зёл.

— То — козёл, а то — собака, гав-гав! Не вижу никакого сходства...

— И мы не видим, что вы, что вы! Но вот что интересно: пока слышишь слово «КАзёл» — получается непонятно. А вот КОзлик — всё в порядке. Тут уж КА-злик никак не напишешь. Так вот, позвольте спросить: у вас — тоже какое-нибудь такое название есть, что хоть пиши, хоть говори — одинаково: «О» и «О», и никаких ошибок быть не может?

Представить себе невысказано, как озверела Собака.

— Гав-гав-гав! — залилась. — Вы что — издеваетесь? Вы что хулиганствуете! Гав-гав! Нет у меня никаких таких названий, чтобы и на слух видно, что во мне «О»! САбака... САбачка, САбаченька, САбачушечка — как ни крути, а всё «СА». Ой я несчастная, ой я горемычная!

— А бобик-собик? — вставил своё слово Козёл.

— Ой, что ты, разве можно так говорить? За это моим щенятам попадает! Это же насмешка!

Села собака и завывала... Луны нет, так она на солнце: «У-у-у!»

Жалко её стало путникам.

— Да не может этого быть, бедняжечка! Вон мы у Кота спрашивали; он не только сам несомненный кот, и сыночек его маленький — тоже безусловный котик. А у вас, ежели жена вам наследника принесёт, как же его звать будут?

Совсем взревела несчастная Собака:

— Пёсиком его называть будут, пёсиком!

— А не собиком? — спросил, не думая ничего худого, Осёл. — Может быть, всё-таки — собиком?

Тут вдруг как выскочит собака из конуры — на всю длину цепи:

— Гав-гав! Вот я вам дам, приставапы, собика, гав-гав-гав! Сами вы собики... Пошли прочь, пока я цепь не перегрызла да вас на мелкие атомы не разорвала! А-а-а-а! О-о-о-о! У-у-у-у! Бедная я, горемычная... Придёт ученик, напишет меня через «А», и никак мне ему, сквер-

ному ученику, не доказать, что я — через-ошная! КАзёл на кОзлика сошлётся, Асёл — на Ослика, а я на что? Мне не на что! У-у-у-у!

Закачали странники головами: что тут будешь делать?! Сердце разрывается на бедное животное смотреть, а на душе зудит вопрос: как же всё-таки узнавать, когда млекопитающее через «о» пишется, если оно через «а» выговаривается? Ну вот, скажем, как узнать, что главное: надо ли «кОзёл» писать, потому что выговаривается «кОзлик», или нужно «кАзлик» писать, раз выговаривается «кАзёл».

Осёл говорит:

— Вот стану тут и буду до тех пор стоять, пока этого не узнаю! Как я в таком перепутанном образе мыслей могу домой возвратиться? Как я мою ненаглядную Длинноушку теперь в нежных письмах и телеграммах называть буду? «Ослицей» или же, наоборот, «Аслицей»? Пошлю поздравительную телеграмму... и...

— На художественном бланке! — подзадорил Козёл.

— На художественном бланке... И вдруг там — грубая орфографическая ошибка! Позор! Ужас! Стал — и буду стоять хоть до вечера, пока всё само собой не узнается.

Очень расстроился Осёл. Даже ухитрился: задней ногой за правым ухом почесал...

— Стоять, — говорит, — толку мало, — говорит. — Надо брать рассуждением. Чем, допустим, слово «козёл» отличается от слова «козлик»? Или — наоборот?

— Наоборот — важнее! — оскорбился Козёл. — Козёл, коза, козлёнок, козловые сапожки, козий, козлиный, козла забивать — одна семья: наша, козлиная. И корень один, наш; как ты смел усомниться?

— Ну, тогда, значит, дело в смысле. «Асёл» — это грубо, невежливо, а «Ослик» — нежно, ласково. Значит, надо всегда такую букву писать, как в ласковом слове.

— Ме-е-е! — сказал Козёл. — Выдумаешь! А разве «Асленятушки, малы детушки» не нежнее «Ослика»? Намного нежнее!

— Да, пожалуй, раза в полтора понежнее...

— Ну так, значит, нежность тут ни при чём... Или — давай тебя «Асллом» писать, как в «Асленятушках»...

— Нет, ни при чём тут нежность! — неохотно согласился Осёл.

— И меня вот ещё что беспокоит, Ослюня: почему это так — у нас в ушах и на глазах только и мельтешат или «А» или «О»? Почему никто меня ни разу не назвал по ошибке «Кузлом»? А тебя «Исликом» или «Эсликом» называют?

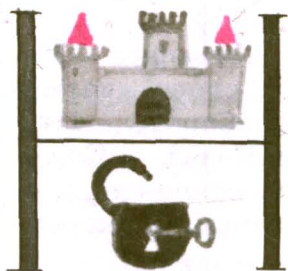
— Нет! А тебя — КЯзлом или КЮзлёнком?

— Нет! Ну, вот видишь: ясно! Это просто такие нам буквы попались особенные, таинственные, волшебные. А может быть, и ещё того лучше: может быть, это мы с тобой сами волшебные и таинственные...

— И собака волшебная?

— Собака не волшебная: она всегда через одно «А» выговаривается. А мы — то так, то этак... Ты знаешь, я думаю, почему это так? Потому что мы с тобой живые, позвоночные, и главное — травоядные. А с разными там ХИЩНЫМИ СОБАКАМИ или тем более с неодушевлёнными вещами такого не может случиться, потому что они — презренные... Ой, ой, ме-е!

ТИЛИ — ТЕЛЕ

а полуслове Козёл остановился, и стали они оба как вкопанные: в удивлении. А почему? А потому, что пришли они в своём городке на людную площадь. Народ спешит, трамваи звенят, троллейбусы искрят, машины библикают. Перенаселение!

И в угловом доме — огромный «Гастроном». А рядом — садик. И в садике стоят шесть будок — телефоны-автоматы. И у каждой будки наискось поперёк стеклянной двери приклеена бумажная полоса, и на ней большими чёрными буквами красиво написано:

ТИЛИФОН НИ РАБОТАИТ

Шесть раз, и один раз другого красивее.

— А что? — повернул к нему свои ушные локаторы Осёл. — Чего «ме»-то? Говори яснее: не слышу.

— Очень просто, чего «ме»... Вот тебе и «позвоночные». Вот тебе и «живые»! Разве «телефон» — млекопитающее? Так почему же у него так же, как у нас: говорится «тИлифон», а пишется «тЕлЕфон»? Или — наоборот.

— И-а, и-а! — согласился Осёл. — Как раз НАОБОРОТ! Наоборот важнее!

— Слушай, — негромко выговорил Козлик, — давай вон на скамейку сядем, посидим. У тебя валидол есть с собой? Давай скорей, я приму таблетку: у меня с сердцем неважно стало!

Сели. Козёл отдышался. «Ф-фу!» — говорит.

И как раз в это время рядом с ними на скамейку старичок садится. Такой — более или менее учёного вида старичок: может быть, начальную либо среднюю школу с отличием окончил, на круглые пять. Или институт какой-нибудь своеобразный.

Сел и хочет газетку из кармана вытащить для самообразования. Но Козёл к нему.

— Извините, — говорит, — уважаемый и дорогой гражданин! Можно один вопрос? Как вы к этому относитесь? — и показывает на телефонные надписи.

Старичок снял очки, вгляделся.

— Отношусь, — отвечает, — резко отрицательно! Шесть раз повторена грубая погрешность против современного правописания. Надо писать тут везде «Е», а не «И». Вот так!

— Извиняюсь, — перебивает его Козёл. — Мы иногородние — кое-чего недопонимаем. Как вы можете ваше утверждение доказать?

— Что значит — как? — отвечает старичок без очков. — Очень просто: вон напротив почта и телеграф. Там ещё на двери какая-то бумажка кнопками приколотая. Подите и прочитайте — наверное, там слово «ТЕЛЕГРАФ» упоминается.

Осёл, глазом не мигни — помчался к тому дому. Вцепился в бумажку, как все Ослы делают, сорвал её и, не рассмотрев, несёт к скамейке. Принёс, смотрит, а там карандашом написано:

СИГОДНЯ ТИЛИГРАММЫ НИ ПРЕНЕМАЮТСЯ!

Осёл, как взглянул, весь краской залился. А старичок посерел.

— Да что они, с ума посходили? — шумит. — Да ведь это ж и малышам должно быть известно: в подобных случаях там, где слышится «И», пишется «Е».

— Вот-вот! — обрадовался Козёл. — Это мы уже сами развели, хотя, правда, только насчёт «а» и «о». Но не откажите разъяснить — в каких это ПОДОБНЫХ случаях. Может, во всех?

Помрачнел старичок, заёрзал по скамейке.

— Ну как это — во всех? Так удобно не бывает, чтобы во всех. Чего захотели! Но! — и тут он погрозил сухоньким пальчиком. — Но по строгим и неотменимым правилам.

— Ах, по каким же, по каким? — разнервничались Осёл и Козёл. — Говорите скорее!

— А вы знаете, что такое УДАРЕНИЕ?

— Знаем, знаем! Это — если он меня — задними ногами, а я его — передними рогами...

— Ах, совсем я не про это, — рассердился старичок. — Я вас про УДАРЕНИЕ В СЛОВАХ спрашиваю.

— Про «в словах» — представления не имеем!

— А хотите понять, где «е», где «а»?! Тогда сидите и слушайте. Вот, например, если я человека возьму да начну его мучить-мучить-мучить... Он что тогда будет испытывать?

— Наверное, муку...

— Очень хорошо! А если я зёрна сквозь мельничные жернова пропущу, тогда что я получу от этого?

— Муку! — обрадовались Осёл и Козёл... — Понимаем! Вкусно!

— Ти-хо! — рявкнул старикашка львиным голосом. — Проверим: вот стоит огромный укреплённый дворец с башнями, в котором раньше рыцари во время войны укрывались... Как он называется? Кто копыто поднял? Козёл? Отвечай!

— Ме-ме! ЗАмок!

— А теперь я дверь закрываю — и ключ во что вставляю? Осёл, встаньте! Во что?

— Иа-иа! В замОк!

— Отлично! В этом последнем случае какой звук

ваше ушко особенно ясно и громко слышит? «О»? Прекрасно! Вот это как раз и значит: **УДАРЕНИЕ** упало на последний слог: «за-мо́к»! И везде, где оно падает на интересующую нас гласную букву, мы пишем её так, как слышим. В тех же случаях, когда **УДАРЕНИЕ** ложится на какое-нибудь другое место, тут уж — не взыщите! Тут звук будет слышаться **НЕВНЯТНО**: не то «а», не то «о». Или — вроде, «е», а возможно, «и». Здесь придётся поломать голову.

— Голову, — обрадовался осёл. — Пожалуйста! Ради науки мне головы не жалко — ломайте! Но в каком направлении надо её ломать?

— А вот в каком. Есть два слова: «кАзёл» и «кОзлик». Вот вы спорили — мне всё известно! Знаю я вас, недоучек, о чём вы спорите, — чем слово «козлик» главнее слова «козёл» — ведь оно того же корня да ещё — уменьшительное? Спорили? То-то!

А оно тем главнее, что в нём **УДАРЕНИЕ** лежит на первом слоге. И, раз в этом слоге ясно слышно «О», — значит, **ВО ВСЕХ СЛОВАХ ЭТОГО КОРНЯ В ИХ ПЕРВЫХ СЛОГАХ НАДО ПИСАТЬ «О»**.

— И даже там, где слышится «А»?

— Совершенно верно заметить изволили: «кАзёл» — а пишется «кОзёл». «Асёл» — а пишется опять-таки «О»: «Осёл». Почему?

— Потому что сынишка мой, дорогой, ненаглядный крошечка, называется Осликом! Всё понятно: «Осёл, Ослиный, Ослица, Ослоподобный» — всё «О».

— Значит, как я понимаю, — вдруг очнулся Козёл, — весь фокус только в том, чтобы такое милое, дорогое, родное слово подобрать, в котором всегда на **ЗАГАДОЧНОЕ** место падает **УДАРЕНИЕ**?

— Да!

— И тогда тотчас же **ТАИНСТВЕННОЕ МЕСТО** перестанет быть **СЕКРЕТНЫМ**, и каждому станет ясно, как его надо **ПИСАТЬ**...

— Вы совершенно правы, Козёл!

— Д-д-да... Это — прекрасно! Это — восхитительно! А теперь разрешите вас с почтением спросить: а каково такое же замечательное словечко от слова **СОБАКА**. Того же собачьего корня, но чтобы в нём это вот ваше

чудодейственное УДАРЕНИЕ пришлось бы как раз на слог СО?

— Гм, гм, гм, — смутился старичок, — на слог СО, говорите? Собака, собАчка, собАченька, собАчий, насобАчиться, собАчоночка, СобАкевич... А знаете — ничего не придумывается. Ах-ах-ах!

— Тэ-э-эк! — ядовито проблеял Козёл. — Значит, с обыкновенной собакой даже у вас, многоуважаемый гражданин, не получается? А как же тогда нам, недоучкам, быть? Как прикажете?

— А вы — извольте наизусть запоминать! — вдруг взвизгнул старец. — Па-а-трудитесь поупражнять вашу память! Сядьте и з у б р и т е: «СО-СО-СО-бака — коренной гласный «О»! Пустяки! Не так уж трудно тысяч десять — двадцать слов запомнить. Все запоминают!

— Тэ-э-эк! — тянул своё Козёл. — Ну, а с телефоном как же получается? У него-то какие же близкие ему, родные слова вы нам укажете, чтобы ударение приходилось на «те» или на «ле»? На первый или на второй слоги? Телеграф — на третьем... Телеграфировать — на четвёртом... Всё запоминать? И «телетайп»? И «телескоп»? А может быть, вы сами чего-нибудь главного не знаете? Может быть, вы — не наиучёнейший гражданин, то в очках, то без очков, а просто хитрый старичок, и ходите, ослов и козлов с толку сбиваете?

Ну, тут старикан рассвирепел.

— А я, — говорит сквозь зубы, — ничего о своей учёности вам не говорил, молодой козёл! Вы сами ко мне привязались! Я просто — сравнительно грамотный человек, а вы — недоучившееся даже до среднего Козла травоядное... Что же до ваших невежественных утверждений, что к «ТЕЛЕграф» и «ТЕЛЕфон» нельзя подыскивать слова, в котором бы, при их несомненном родстве, ударение на втором «е» было, так это вы изволите чепуху городить. Желаете, чтобы я вам вашу неправоту доказал? Будьте любезны, смотрите!

И разворачивает старичок перед нашими разнокопытными газету и на последней её страничке показывает раздел, где напечатаны всякие кино- и театральные программки. И сердито тычет сухим пальцем своим в жирную надпись.

Полевее: КИНО. Справа: РАДИО. А посередине: ТЕЛЕ.

— Ну-с, как, — говорит старичок, — юные четвероногие? Как, по-вашему, это среднее словечко читать вслух нужно: теле или теле? И, положа копыта на сердце, признайтесь: слышали ли вы когда-нибудь, чтобы кто-нибудь говорил: «Что сегодня по тИле идёт?» или «А ты тИлепрограмму уже видел?» А? Вот в том-то и дело, что не слышали! Все, и грамотеи и неграмотные, одинаково выговаривают — «по теле»: «телефильм»...

— А у меня братишка-школьник, — весело оскалил зубы Осёл, — так он даже хуже того — говорит прямо запросто: «Я это по тЕлику видел!»

— Молодой Осёл! — обрадовался старичок. — Почему же вы изволили сказать «хуже того»? Ваш способный братишка отлично, правильно произнёс новое слово: конечно, «Тэлик», а не «Тйлик»! От слова «ТЕЛЕВИЗОР», а не «ТИЛИВИЗОР». И тут я вам двум по секрету открою одну тайну. Иначе говоря, тоже — секрет. Всё дело в том, что слова ТЕЛЕФОН, ТЕЛЕГРАФ, ТЕЛЕВИЗОР, ТЕЛЕТАЙП — не совсем русские слова. То есть раньше они были просто не русскими. И даже вообще не вполне современными словами.

Ну вот что такое ТЕЛЕ-ГРАФ? Почему он так называется? А потому, что давным-давно, ещё у ДРЕВНИХ ГРЕКОВ, приставка ТЕЛЕ значила ДАЛЬНО, а слово ГРАФ означало: «Я ПИШУ».

Нет, нет, что вы! Не делайте такой ужасной ошибки; у древних греков не было никаких телеграфов, телефонов, телевизоров. Всё это придумали только в наше время. Но мудрые люди-изобретатели, чтобы не обижать никаких нынешних народов, решили новые машины и приборы называть древнегреческими, а иногда и древнеримскими словами. АВТО-МОБИЛЬ значит САМО-ДВИГ, ВЕЛОСИ-ПЕД значит БЫСТРО-НОГ. Вот так же «ТЕЛЕ-ГРАФ» по-русски «ДАЛЬНО-ПИСЕЦ», а «ТЕЛЕ-ФОН» — «ДАЛЬНЕ-ЗВУК». Именно потому, что слова эти нерусские, к ним не подобрать, как говорят, русских РОДСТВЕННЫХ СЛОВ, таких, чтобы ударение приходилось на другие слоги.

— И-а-ха-ха-ха! — захохотал неожиданно Осёл. —

Так вы, старичок, пожалуй, скажете, что и СОБАКА — слово НЕРУССКОЕ? Что именно поэтому и к нему невозможно подобрать такие родственные слова, в которых ударение приходилось бы не на слог «БА», а на слог «СО»? Ну, знаете, дорогой товарищ с очками и бородкой!

С презрительной улыбкой посмотрел поверх очков старенький старичок на серого Осла.

— А вот представьте себе, что я точно так вам и скажу, уважаемое НЕПАРНОКОПЫТНОЕ! Слово СОБАКА — не русского происхождения, а, как считает большинство учёных, персидское, то есть — иранское. До того как оно, много сотен лет назад, переселилось к нам из Ирана, наши предки, хозяева ваших предков, конечно, уже дружили с собакой. Но они называли её иначе — пёс (а по-старославянски — пес). А потом постепенно вместо этого «пса» появилось новое слово СОБАКА. Заим-ство-ван-ное! Взятое в наш дом.

— А почему тогда вместо «козёл» нового слова не придумали? — обиделся бородатый рогоносец.

— Да! А почему вместо «осёл» нет другого слова, более почтенного? — сейчас же подхватил Осёл.

— Почему, почему, почему... Как будто можно ответить на ВСЯКИЙ вопрос, какой тебе глупцы зададут? Вот я возьму да и начну вас спрашивать: почему у Козла рога есть, а у Осла их нет? Почему козёл блеет «ме-е-е», а Вы, милостивый Осёл, орёте «иа-иа-иа!» Почему вода течёт вниз, а туман поднимается вверх? Не могу я вам в двух словах ответить, почему слово «пёс» заменилось словом «собака». Но только не думайте, что «собака» стала звучать благороднее, «красивее», чем старое «пес»! Вон на небе есть созвездие: оно называется «Большой Пёс»; есть и другое: «Малый Пёс». Созвездия! А ведь созвездий «Большая Собака» и «Малая Собака» на небесах нет и никогда не будет...

А что касается того «собачьего слова», у которого ударение стояло бы на слоге «СО», так я его, правда, не знаю. Но — кто его ведаёт? — может быть, оно и есть. Это уж вы сами, Козлик и Ослик, посидите, поразмыслите, — а вдруг найдёте. И — прославитесь... рославитесь... славитесь... авитесь...

И едва он это проговорил, как всё вокруг них стало

бледнеть и расплываться. И маленькая площадь. И телефонные будки, и трамвайные вагоны, и красные цветиканны, которых Ослу очень хотелось попробовать... А потом пошла туманом и сама скамья с сидящими... Осёл как-то смешался с Козлом, Козёл — со старичком... И мало-помалу всё это исчезло.

Почему исчезло? Ну, уж это вы сами додумайтесь... Может быть, потому, что вы увидели сон. А возможно, это была такая несказочная сказка. А может статься, наоборот, всё это была самая настоящая сказочная правда. И уж во всяком случае — совершенная правда, что «козёл» и «осёл» надо писать через «О», а выговаривать через «А».

КРОКОДИЛ, КРАКОДИЛ, КРОКАДИЛ, КРАКАДИЛ???

ГИППОПОТАМ, ГЕППОПОТАМ, ГИППАПАТАМ, ГЕППОПАТАМ, ГЕППАПАТАМ, ГЕГЕПАТАМ?? — Как, по-вашему, правильной? Ну-ка!

Я знаю! Я всё знаю! Известно мне и то, что в каждом классе есть разные мальчишки и девочки: одним что ни Расскажи — они «ам!» — и поверили! А другим скажи хоть: «Ночью темно, а днём светло!» — они и тут заведут долгий разговор: «Это смотря как и когда. У нас в Ленинграде летом ночью светлее, чем зимой днём...» И пошли, и пошли... А знаете, мне придиры даже больше нравятся!

Наверное, найдутся такие читатели, которые заметят: а писатель-то схитрил: говорил о «двух первых слогах», а объяснил только про самый первый. А почему второй пишется «ле», осталось неизвестным.

Совершенно верно, но — слушайте. Все слова, начинающиеся с «теле», не русского, а древнегреческого происхождения: об этом и старичок двум копытным сообщил.

Я же сообщу то, на чём он не сделал должного упора: «греческая» часть наших сложных слов в самом греческом языке писалась именно «теле». Там оно было наречием и означало «далеко». И ударение на нём было на первом слоге, но *в греческом языке звуки безударные выговаривались так же ясно, как и те, на которых лежало ударение*. Вот поэтому и нам нельзя писать «ТЕЛИВИЗОР», а только ТЕЛЕВИЗОР.

СТИХИ СОЧИНЯЕТЕ!

казке — конец. Приступим к были: были бывают интереснее сказок...

Стихи сочиняете? Давайте поучимся?! Ну, например, что такое «рифма»?

Эх, как бы сказать попроще...

Если в стихах в одной строчке на конце стоят слова «вдоль дорожки», то через строчку в стихах уже никак не поставишь слово «лапки», а только «ножки». Правда?

Вот лягушка вдоль дорожки
Скачет, вытянувши ножки...

«Ожки» повторились. Вот вам и рифма!

Ну, что бы ещё проще: «АПЕЛЬСИН — КЕРОСИН» — это рифма, а «АПЕЛЬСИН — СКИПИДАР» — нет рифмы!

Вот, пожалуйста, вам 12 слов:

ВОРОНА, НОГА, ОБОИ, ПАРОВОЗ,
МОРОЗЫ, РУЧЕЙ, РОЗЫ, СИНИЦА,
НИЧЕЙ, ЦВЕТOK, САПОГА, МАШИНА

Попробуйте выстроить эти слова, как солдат на учении, в затылок друг другу — «по рифмам». И посмотрите — сколько останется таких, которые ни с одним из 12-ти никак не «срифмуются»?

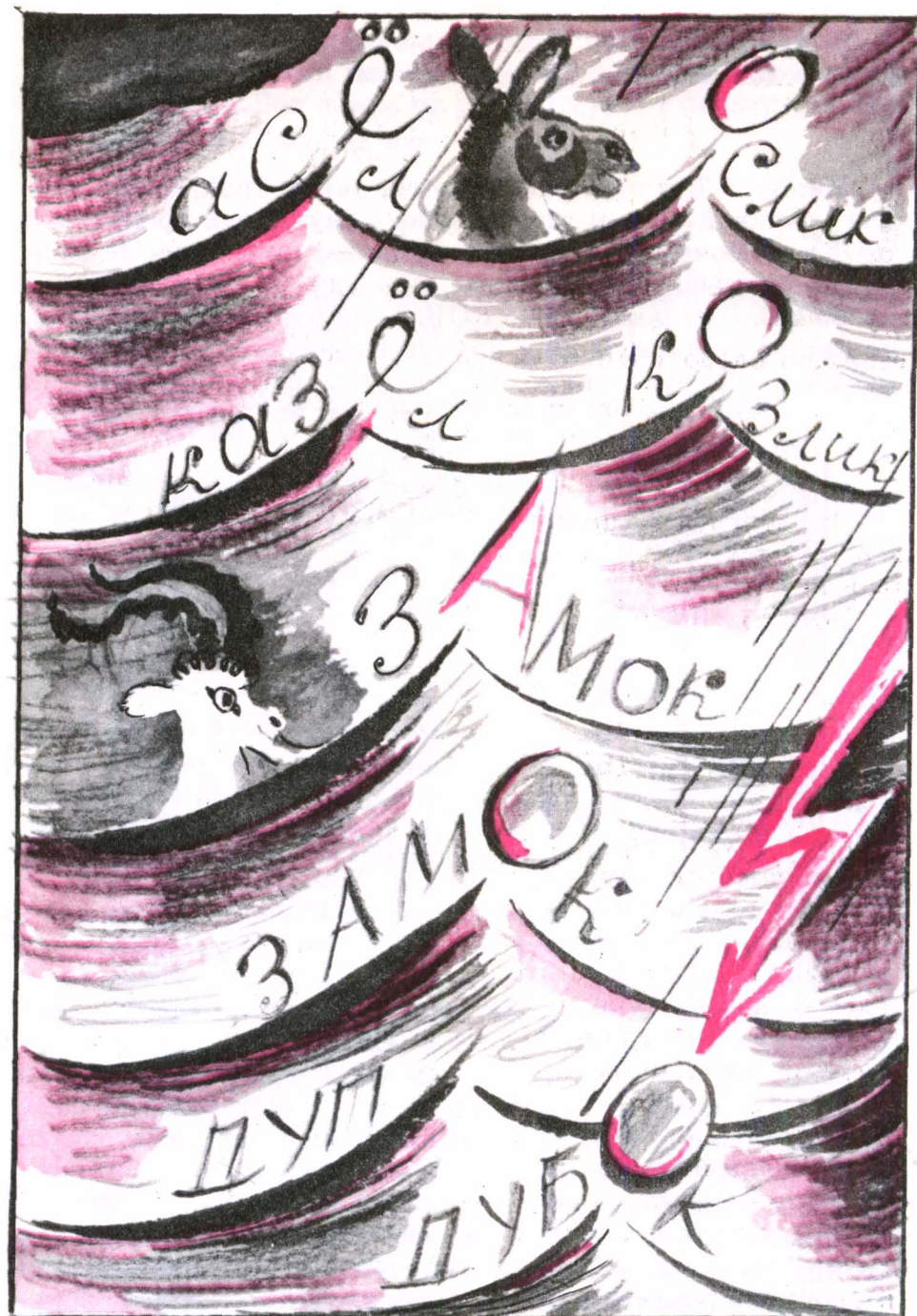
«Значит, — говорят самые быстроумные и торопливые из вас, — значит, чтобы получилась рифма, надо, чтобы в двух строчках БУКВЫ, стоящие на конце последних слов, точно совпадали...»

Ах, какая ошибка, какая ужасная ошибка!

Помните, в стихотворении «Вот какой Рассеянный» у С. Я. Маршака:

А с платформы говорят:
— Это город ЛЕНИНГРАД! —

в первой строчке на конце «Т», во второй — «Д». И всё-таки — отличная рифма!

В другом его же стихотворении рассказывается про сову, ослеплённую дневным светом:

Села старая на дуб,
А глазами — луп да луп...

Видите? Тут одно слово кончается буквой «Б», а второе — буквой «П», и тем не менее получилась прекрасная рифма. Почему? А потому, дорогие мои, золотые мои, бриллиантовые! — что рифмы никогда не складываются из БУКВ, а только из ЗВУКОВ. Если откровенно сказать, то наши, русские рифмы ничуть не интересуются, одинаковыми ли буквами оканчиваются составляющие их слова — тем, как они ПИШУТСЯ. Им важно другое: как они, эти слова, ПРОИЗНОСЯТСЯ.

Погодите, погодите, как же это может быть: написаны одни буквы, а выговаривать можно совсем другие звуки? НЕ ИХ звуки?

Не можно, алмазные мои, а ДОЛЖНО! Нужно. Необходимо! Почему? Потому, что мы всегда так их выговариваем.

Правда, дети, я хорош,
На большой мешок похож? —

спрашивает пингвин в другом стихотворении того же Маршака. И каждый, кто будет читать эти строки, хотя ясно увидит, что в верхней строчке на конце стоит буква «Ш», а в нижней — ясное «Ж», произнесёт эти две различные буквы СОВЕРШЕННО ОДИНАКОВО. Обе как «Ш»:

Правда, дети, я хороШ,
На большой мешок похоШ?

Слово «похож» так, чтобы на его конце мы с вами ясно слышали настоящее звонкое «Ж», произнесёт только не русский человек... Ну, скажем, француз, которого учили русскому языку по книжкам (немец вовсе не смог бы выговорить «похож», потому что в немецком языке вовсе нет ни звука «ж», ни буквы «жэ»).

Не думайте, что такое странное непослушание звуков буквам (или букв звукам) можно заметить только на тех из них, которые я вам уже привёл в этих забавных стихотворных строчках. Нет, в нашем русском языке довольно много звуков, которые могут быть иногда одного каче-

ства, иногда — другого (впрочем, почти как каждый из нас самих — не так ли? — один попослушней, другая пошаловливей). Вот я вам их сейчас все тут перечислю. Это согласные звуки:

Б	В	Г	Д	Ж	З
П	Ф	К	Т	Ш	С

Какая разница между звуками, обозначенными буквами, в верхней и нижней строках?

Фокус в том, что в каждой паре и там и здесь — один и тот же звук, только верхний — звонкий, а нижний — глухой. И ведь это не так просто, не зря сказано: один и тот же; это и на самом деле так.

Ну, возьмём для примера слово ДУБОК. Каждый скажет, что третья буква в нём изображает ЗВОНКИЙ СОГЛАСНЫЙ ЗВУК. Но над маленьким ДУБКОМ раскинул ветви могучий старый ДУБ. И вот если вы теперь прочитаете вслух эту фразу и хорошо вслушаетесь в то, КАК вы её выговариваете, вы услышите: вы говорите не «над дуБком», а очень ясно — «над дуПком». И не «старый дуБ», а «старый дуП».

Почему так? Да просто потому, что в нашем языке издавна действует такой закон. Мы, конечно, можем, сделав над собой усилие, сказать «ДУББ», но так никто и никогда не говорит. А почему же пишут ДУБ?

А вот почему: на письме нужно, чтобы всё было как можно одинаковей и проще. Конечно, можно было бы договориться и наоборот: *писать* всюду не так, как в середине слов перед гласным или согласным звонким, а так, как *не пишут* сейчас перед глухим или на концах слов.

То есть: раз уж «ДУП», так и

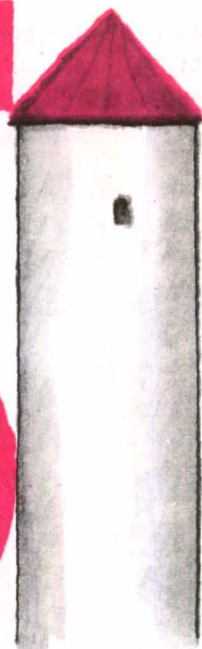
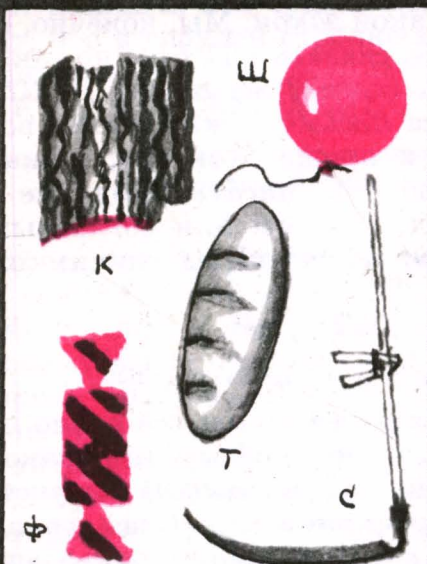
Свинья под «дуПом» вековым...

Но так как выговаривать мы всё равно продолжали бы не «под дуПом», а «под дуБом», то никакой простоты и лёгкости не получилось бы. Вышла бы чистая чепуха!

Значит, получается: либо писать всё по выговору, либо выбрать одно из двух: писать такие «двуличные», «обманные» согласные так, как они выговариваются пе-

A detailed black and white illustration of a rabbit's head, facing left. The rabbit has long, upright ears, a small tuft of hair on its forehead, and a slightly open mouth showing its teeth. The drawing is done in a sketchy, textured style.

o x y z

Сумма

ред гласными, или так, как перед согласными, притом — глухими или на концах слов. А почему одно из двух? Потому что «два из двух» было бы совсем нелепо:

По-над речкой дуП растёт,
Вокруг дуБа луК цветёт.
Сидит ворон на дуБу,
Он играет во труБу.
На луGu очерчен круК,
В том круGu посеян луК.
ЛуК посеян на луGu
В заповедном том круGu...

Вот теперь и старайтесь, пыхтите, догадывайтесь: где говорится про ЛУГ и где про ЛУК...

Подумав, подумав, — решили принять правило: сомнительные согласные звуки перед глухими согласными и на концах слов писать так же, как они звучат в серединах слов, а также — перед гласными или звонкими согласными.

Теперь остаётся запомнить: как написать — «Дружка» или «друШка»? Очень просто. Говорится: он — мой друЖок. Тут непонятный звук попал перед гласным, звучит звонко и обозначается БУКВОЙ «Ж». Ну, значит, смело пишите «Ж» и перед глухим «К» — «друЖка». На дворе — ужас сколько... луШ? Или — луЖ? Трудно решить? А помните у С. В. Михалкова:

Если взять все эти луЖи
И соединить в одну,
И потом у этой луЖи
Сесть,
Измерить глубину...

Вот тут уж ясно, что подозрительный звук на самом деле «Ж», а не «Ш», и что «Когда я в ботах, не боюсь я луЖ» надо писать именно через «Ж». Было бы очень мило с вашей стороны, если бы вы взяли да и запомнили такую странность: когда мы говорим, мы подчиняемся ЗАКОНАМ языка. Эти ЗАКОНЫ так же нельзя отменять или заменять другими, как и законы природы: если все тяжёлые предметы падают на землю по отвесной линии, то, как вы ни старайтесь, нельзя выпустить из рук камешек и чтобы он полетел вниз к земле, выделявая по пути зигзаги и петли. Не выйдет!

ФИЛЬМ

Мама сидит за рабочим столом, чертит.

Стёпочка (вбегая с мухомором в руках). Мабочка, мамочка, а у меня гриП!

ФИЛЬМ

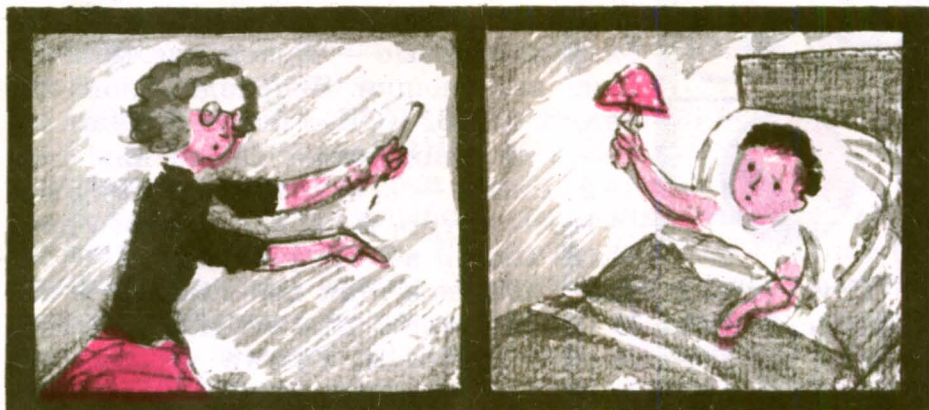
Мама сидит на том же месте, чертит.

П а в л и к (вбегает с восторгом, хлюпая носом). Мабочка, посмотри: у меня — гриП!

ИЗ БЫСТРО БЕГУЩИХ БУКВ СКЛАДЫВАЕТСЯ

П Е Р В Ы Й

Мама (вскакивая). Сейчас же ложись, противный мальчишка! Изволь измерить температуру. На градусник!

Стёпочка, уже в постели, протягивает маме руку с мухомором!

К о н е ц

В Т О Р О Й

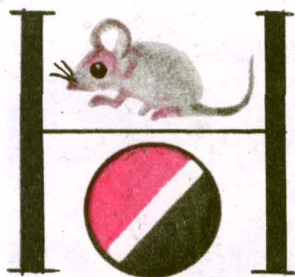
Мама (не поднимая головы). А ты уверен, что это не мухомор!

Павлик отчаянно чихает и кашляет.

К о н е ц

НАДПИСЬ: ДА ЗДРАВСТВУЕТ ПРАВОПИСАНИЕ!

ТАКИЕ, СЯКИЕ И ЭТАКИЕ

аверное, года два назад вы думали, что слова состоят из БУКВ, а буквы все одинаковые — чёрненькие, маленьк-кие, как блошки. Неправда: слова со-стоят из ЗВУКОВ, а звуки бывают со-всем не одинаковые. Среди них есть гласные — а, е, у, о, и — и соглас-ные — п, т, р, м, л, н... и много дру-гих. Теперь вы это уже знаете.

Случается, и буквы называют так же: гласные и со-гласные. Учёные не любят этого: как же может иметь голос, быть гласной, допустим, буква А? Она же чёрненькая и молчит.

Но, с другой стороны, она всё-таки *изображает* гла-с-ный звук «а». «Бэ» — согласный звук «б». Поэтому, пока мы с вами ещё не стали совсем учёными, мы иногда будем позволять себе такую неправильность — называть и буквы *согласными* и *гласными*.

Страничкой-двумя назад мы с вами узнали, что со-гласные — тоже не все одинаковые: они бывают ГЛУХИ-МИ и ЗВОНКИМИ. Теперь всё понятно?

Совершенно не ВСЕ! Среди звонких (и среди глухих) согласных встречаются тоже и «такие» и «этакие». Ну, а например?

Вот строчка одного старого стихотворения:

... Волны бушуют и бьются о МОЛ.

А вот другая строчка из другого сочинения:

... Густым столбом взлетела МОЛЬ.

Обе строчки кончаются на звук «л». Но прислушайтесь: ведь оба эти «л» ничуть друг на друга не похожи.

А в чём разница?

Люди учёные придумали, чтобы объяснить эту раз-ницу, много объяснений и дали всем звукам языка при-чудливые и трудные имена. Ну, скажем, тот звук, что слышится на конце слова МОЛЬ, они зовут ЦЕЛЕВЫМ ПЕРЕДНЕЯЗЫЧНЫМ МЯГКИМ. Прямо как имя, отече-ство и фамилия человека.

Но ведь вас самих-то ещё никто пока не зовёт по имени-отчеству. Пока что и мы будем, говоря о согласных звуках, делить их просто на ТВЁРДЫЕ и МЯГКИЕ.

Ну и как? Такое раздвоение бывает только на «концах» слов? Ничего подобного: его можно обнаружить и в их середине.

Одно дело «НА, НА!» (то есть возьми, бери!).

Совсем другое — «НЯНЯ, НЯНЯ!» (то есть та, кто ухаживает за маленькими вместо матери).

В первом случае слышны два ясных твёрдых «Н»; во втором — два мягких. Но, когда разговор заходит об изменении звуков, важно заметить ещё вот что: изменения тоже бывают не одинаковые. Ведь если вы вместо того, чтобы сказать «Я вижу моль», скажете «Я вижу мол», вас поймут совершенно неправильно. Вот какую существенную роль сыграло изменение в слове одного-единственного звука! А подумайте: если бы вы, хоть как угодно тонюсенько, пропищали слово «мол» или, наоборот, слово «моль» прорычали медвежьим басом, — вам бы не удалось никого сбить с толку: даже самое визгливое «мол» обозначает всё то же тяжёлое каменное сооружение, которым люди ограждают морские гавани от волн. А произнесённое самым бычьим рёвом «моль» каждый поймёт как название крошечной бабочки, портящей шерстяные ткани. Но стоит вам — с рёвом или с визгом, всё равно — «смягчить» звук «л» или, наоборот, выговорить его твёрдо, самый СМЫСЛ изменится. Видите, какой фокус! Разве не чудо! Если не чудесно, то очень интересно, по-моему, и вот ещё что: вы сейчас своими ушами убедились — звук «л» может быть то твёрдым, то мягким. То же самое можно сказать и про звук «н» (в словах «на» и «няня»). Можно указать ещё на пары «боб» и «Обь» (река), «недуг» и «недюжий», «сад» и «сядь»... Наверное, у каждого «твёрдого» звука есть «мягкая» пара? Как бы не так! Возьмите и придумайте пары с мягкими или твёрдыми согласными к словам ЦУКАТ,ЧИЖ, ЖАР — чтобы превратить их в ЦЮКАТ, ЧЫЖ, ЖЯР. Ничего у вас не выйдет, потому что меня устроят только такие слова, у которых есть СМЫСЛ, а таких слов как раз у вас не получится. Можно придумывать уйму «полуслов» вроде ЦЮРУС, ЧЫМБА, ЖЯМА, но — ни одно

из них ровно ничего не значит ПО-РУССКИ. В нашем языке таких слов нет и быть не может.

Почему? Да именно по той причине, что в нём не существует таких звуков, как «Ць», или «Жь», или, наоборот, как «твёрдое Ч». (Кстати, не воображайте, что такого рода звуки **ВООБЩЕ** невозможны. Твёрдое Ч отлично процветает у наших родных братьев белорусов и у двоюродных — поляков. Даже в самом русском народе есть люди, южане, которые из украинского языка заимствуют тамошнее мягкое «Жь»; вместо уменьшительного имени «Жора» они называют молодых Георгиев и Юр «ЖЕРЯМИ». Но ведь мы с вами говорим только о чистом русском языке, да притом не о народном, а о книжном языке, на котором разговаривают образованные русские люди, о том языке, которому вы учитесь в школе. Вот то-то оно и есть!)

Итак, звуков «Чь», «Жь» — нет. Не существует, и всё тут! И если даже вы, делая страшные усилия, наловчитесь говорить такие слова, как «мышь» или «дрожь», так, чтобы слышалось, что у них на концах есть «Ъ», а «меч» и «мяч» — чрезмерно упирая на твёрдость звука «ч», каждый, кто хорошо говорит по-русски, удивится, а потом опять решит про вас: «Наверное, это какой-то иностранный мальчишка; только учится говорить по-русски, да ещё не выучился!»

ЗАПОМНИТЕ РАЗ И НАВСЕГДА:

НЕТ в русском языке **МЯГКИХ ПАР** к звукам Ж, Ш, Ц.

НЕТ в нём и **ТВЕРДЫХ ПАР** к звукам Ч и Щ.

НО ТОГДА — СТРАННОСТЬ...

очему же тогда **ПИШЕМ** нередко сочетания **БУКВ Жь, Шь** в конце слов; почему постоянно ставим после «Ж» и «Ш» буквы И, Е, Ю, Ё, Я, которые обладают способностью **СМЯГЧАТЬ** стоящий перед ними **СОГЛАСНЫЙ**? Ведь если вы русские ребята и учились в русской школе, вы никогда не

выговорите ни **ЖЯБА**, ни **ШЯПКА**, ни **ЧЫСТЫЙ**, ни **ЩУКА**; вы скажете: «жаба», «шапка», и «чистый», и «щюка», а напишете: «жаба», «шапка» и одновременно «щука», «чистый». Спрашивается: зачем же подстроены такие хитрые ловушки для ни в чём неповинных школьников? И уж по крайней мере — нельзя ли объяснить, почему так случилось.

Ведь — это ж надо! — почему-то после согласных **Б** или **К** звук «и» их смягчает, а после **Ш** и **Ж** — и не думает: пишем мы **ШИРОКО**, а выговариваем **ШЫРОКО**. Говорим яснее ясного **ЖЫРНЫЙ**, а писать приходится **ЖИРНЫЙ**... «Объясните сейчас же! Почему?» — сердито кричите вы.

Попробуем, хотя это не так-то просто. Вы уже видели, что наши буквы не всегда точь-в-точь соответствуют **ЗВУКАМ** нашей речи и наоборот. «Казлики» и «Аслики», по-моему, хорошо доказали вам это. Теперь так: в русском языке звуки **Ш** и **Ж**, как уже сказано, — всегда твёрдые. И во-вторых — это именно в русском языке!

Наши пра-пра-пра-пра-прадеды говорили по древнерусски, а писали больше на родственном русскому старославянском языке. И вот в очень старых рукописях никогда не попадается, чтобы переписчик вдруг ошибся и, например, вместо **ШИТИ** написал **ШЫТИ** (что означало бы просто «шить»). Почему? Сами подумайте! Почему вам никогда не случается написать вместо буквы «а» в каком-нибудь слове по ошибке букву «у»? Да очень просто: ведь вы никогда не слышите и не скажете вместо «мама» — «муму». Так зачем же вам в этом слове (или в другом) по ошибке писать «у»? Ошибаются на письме ведь только там, где оно расходится с выговором.

Раз наши пращуры **ВСЕГДА** писали «шити», значит, и говорили они только **ШИТИ**, а не **ШЫТИ**... Мы говорим **ШЫТЬ**, а пишем **ШИТЬ**, потому что так — **ШИТЬ** — и говорили и писали в древности; вот откуда и наши ошибки.

Древние русичи как слышали, так и писали. У нас произношение изменилось, а пишем мы по-прежнему, по-старому. Это вам одна причина затруднений.

Теперь — вторая. В нашем с вами сегодняшнем русском языке очень много слов, взятых напрокат из других языков. Среди них немало таких, про которые мы уже давно забыли, что они не русские. Вот слова «шило» и «шина». Которое из них, по-вашему, чисто русское, которое — позаимствованное? Не каждый скажет, что «шина» — взято из западных языков, что оно — чужестранец!

В этих западных языках нет твёрдых и мягких согласных, в том числе и шипящих. Но в тех же языках просто вовсе нет звука «ы». Немцы, французы, англичане с величайшим трудом выучиваются выговаривать также звук «щ», когда учатся по-русски.

Отчасти поэтому, отчасти же потому, что и в старину у нас «ш» было мягким, учёные грамматисты ещё в прошлом веке условились писать после Ш всегда И, независимо от того, какой звук на этом месте слышится, когда мы говорим. Говорим ШИНА, а пишем ШИНА. Говорим ГРОШЫ — пишем ГРОШИ. Может быть, было бы лучше, наоборот, писать всюду после Ш — Ы?

Нет, тут этому помеха — иностранные слова. Их у нас очень много, начиная с нерусских фамилий: великий поэт Германии звался ШИЛЛЕР; неудобно как-то писать его фамилию ШЫЛЛЕР. Да ведь и многие совсем привычные для нас слова, когда про них всё узнаешь, оказываются нерусскими: шикарный, шинель, ширма. Если бы решили чисто русские слова писать через ШЫ, а взятые из других языков — через ШИ, — какая мука была бы каждый раз доискиваться: которое из двух слов — ШИРЬ и ШИФР — наше, а которое пришло из другого языка? Иначе сказать, как надо писать: ШЫРЬ, но ШИФР или ШИРЬ, но ШЫФР? По-моему, правильно постановили: во всех случаях писать только ШИ и никогда не ШЫ. Так удобнее и спокойнее!

Всё, что я сказал, относится только к тем случаям, где вслед за Ш «идёт не то Ы, не то И». Что касается других гласных, которые имеют способность «смягчать» предыдущие согласные, то они после Ш пишутся ТОЛЬКО в ИНОЗЕМНЫХ СЛОВАХ, причём лишь в таких, про которые и сомневаться не приходится: это — чужое, не русское слово, — и чаще всего в разных иностранных

собственных именах вроде ШЮТЦ* или названиях вещей, у нас на Руси не существующих.

Сами подумайте, поломайте головы вместе с папами и мамами: удастся ли вам разыскать такие словечки чужеземного происхождения, которые мы писали бы как «ШЯ» или «ШЕ». Скорее всего вы их не найдёте...

Звук «ж» — родной братец звуку «ш»; можно сказать даже уверенней: это один звук в двух платьях — в звонком и глухом. Вот почему и про него можно почти в точности повторить всё, что вы прочитали про «ш».

Никогда не пишите ни одного слова с ЖЫ, хотя, конечно, «ж» всегда звучит твёрдо. Нет русских слов, в которых после «ж» шли бы «я», «ё», «ю». В иностранных словах, особенно в именах собственных, мы ЖЮ встречаем. Вы наверняка сто раз перечитали «Таинственный остров» Жюль Верна. Не пытайтесь это дорогое всем ребятам имя произносить на расейский лад: «Жуль Верн». Хотя я знал одного кривляку, любившего прикидываться иностранцем. Я слышал, как он томно говорил другу: «Ну, Коля, ты просто жюлик!» Так говорить тоже нельзя. Глупо!

Как-то один хитроумный второклассник сказал мне, что это всё неправильно. «Есть слова, где после «ж» идёт «е»; например, ЖЕЛТОК», — утверждал он. Он указал мне книгу, и там слово «жолтый» было — конечно! — написано как «жЕлтый». А ведь звук, обозначаемый буквой «е», должен сделать согласный «ж» мягким, как и другие звуки: «Тони» и «тени»; «лось» и «лезь». Что ж получилось?

Всё правильно, хитроумец только не знал (или не сообразил) одного: у нас есть не один звук «е», а два. Первый звук — «е» — смягчает согласный, второй звук — «э» — не смягчает. Знаете название отличного высокогорного стадиона «МедЭо»? Вот «м» тут смягчилось, и понятно: за ним идёт «е»; а «д» осталось твёрдым: в письме это показано буквой «э».

В наше время мы далеко не всегда ставим эти две буквы так строго и точно. Мы пишем совершенно спокойно

* ШЮТЦ — фамилия знаменитого немецкого музыканта, жившего очень давно.

нерусские фамилии ГЕТЕ и ГЕЙНЕ через «е» на концах, хотя выговариваем и «т» и «н» твёрдо. И не вздумайте произносить их мягко, как в «тень» или в названии реки Неман: на вас каждый грамотный станет смотреть с презрением.

Так и в слове ЖЕЛТОК мы просто изображаем буквой «е» звук «э». А когда мы даже слово «желтый» пишем так, как я его написал, хотя мы выговариваем его как «жОлтый» и хотя это «о» стоит здесь под ударением, — так, по секрету скажу, это происходит потому, что в нашем правописании ещё до сего дня сказывается влияние церковного славянского языка. В нём слова «желтый» не было, там было слово «жэлтый». Вот это-то старое правописание дожило и до наших дней уже в русском письме, в виде «желтый».

Было бы неправильно сказать, что в русском языке совсем не возможны сочетания звуков «Жя» или «Жю»: вполне вероятно, вы когда-нибудь услышите людей, произносящих «ЖЮЖЕЛИЦЯ» или «ЖЯРКО».

Как-то мы с сыном, выйдя на ленинградском вокзале из электрички, догнали, в толпе спешащих к выходу пассажиров, трёх морячков в бескозырках и с гвардейскими ленточками. Мы были в двух шагах от их спин, когда правый громко и недовольно сказал: «Ну, Жёря, ты настоящая жяба!» — «А ты, Игорёк, — криса!» — беззаботно ответил левый. На лице сына выразилось удивление, а я пожал плечами: «Черноморцы!» Сын для проверки обогнал моряков и сказал мне с одобрением: «Ну, папа!» На бескозырках у всех троих золотом написано: «ЧЕРНОМОРСКИЙ ФЛОТ».

Как я узнал это, глядя на них «со спины»?

Очень просто: я «выслушал» это из разговора: мягкое «Жёря», «жяба» выговаривают только наши южане — жители Ростова, Таганрога, Одессы, Новороссийска, — а из них-то чаще всего и набирает свои кадры Черноморский флот... Они же, южане, под влиянием украинского языка заменяют наше великорусское «ы» своим полу-ы, полу-и, которое нам слышится просто как «и»: «криса», «риба». Удивляться нечему: наша страна огромна, ах как огромна! И в различных концах её ещё не так давно люди, многие русские люди, говорили вовсе не

похоже на то, как говорили образованные москвичи или петербуржцы.

Теперь все эти различия сглаживаются, однако... Сядьте и вспоминайте: попадалось ли вам русское слово, в котором после К стояли Ю или Я? Наверняка вы скажете: никогда! Таких слов нет! А вместе с тем кое-где на северо-востоке от Москвы и сегодня от женщин постарше можно услышать: «ВаньКЯ! Сбегай, покличь ТанюшКЮ, чайКЮ попить с гостем!» Такие сочетания — «КЯ», «КЮ» — в разных «говорах» нашей страны оказываются совершенно обыкновенными.

Не надо смеяться над теми, кто так говорит: они скоро переучатся. Но и подражать им не стоит.

ВОТ, КСТАТИ...

от, кстати: слова с буквой «ц»... ЗВУК «ц» у нас ВСЕГДА ТВЕРДЫЙ — я об этом уже упоминал. Понятно, что после него (после буквы, его обозначающей) мы пишем обычно А, О, У, Ы. Пишем, кроме тех иностранных слов, где выговаривают: Я, Ю, И... «Цирлих-манирлих»*. Город Цюньшань — в Китае.

Лет тринадцать назад, чтобы облегчить положение учащихся русскую грамоту, было сделано предложение: после Ц всюду и везде писать, как раз наоборот, «смягчающие» гласные. Получалось, что даже в окончаниях множественного числа мужского рода на «ц» (вроде «конец», «отец», «мудрец») надо было писать так: «концИ», «отцИ», «мудрецИ».

Преподаватели русского языка заволновались. Когда они до сих пор диктовали ученикам, скажем, такие стишки:

Прилетели с юга птицЫ:
В рощи тёмные — синицЫ,
на поля — перепелицЫ, —

* Когда хотят сказать о кривляке (с нем.).

никто из школьников никогда не писал по ошибке «птицИ», «синицИ», «перепелицИ».

Теперь, сделав диктовки на новое правило, они установили: больше половины первоклашек (да даже и более старших ребят) упрямо писали на концах слов ЦЫ, а не ЦИ. Из этого ясно вытекало: новое правило не облегчит, а затруднит правописание.

Неладно получилось и с некоторыми иностранными словами — например, ЦЮРИХ. Казалось бы, тут уж все мы привыкли после «ц» писать на нерусский лад «ю»: город-то швейцарский, и перекраивать его по русскому манеру на ЦУРИХ так же неудобно, как из Шиллера делать Шыллера. А между тем по новым правилам предлагалось именно такое правописание этого названия. Было странно: даже внутри нашей страны мы стараемся имена городов в братских республиках выговаривать так, как их выговаривают коренные обитатели, — «Ереван», а не «Эривань», как писали и говорили раньше, «Тбилиси», а не «Тифлис».

И вдруг почему-то некоторые зарубежные города мы станем перековеркивать на свой манер? Странно!

Там, где мы наверняка знаем, что перед нами слово или часть его русские, можно и должно писать «ы». Поэтому «станция» и «цивилизация» пишутся через «и», а «колодцы», «кузнецы» — через «ы». Таких же русских слов, в которых звуки «ц» и «и» или «ы» сталкивались бы внутри самого корня, — очень мало. Обычно их приводят в виде нескольких ИСКЛЮЧЕНИЙ; по этому поводу мой внук даже знает школьную запоминалку: «Цыган цыкнул, и цыплёнок убежал на цыпочках». Получается как бы четыре корня с ЦЫ для чисто русских слов (потому что нерусских коренных слов с Ц + И/Ы уйма, но они все пишутся, как я уже сказал, через «и»: «цифра», «цитра» (музыкальный инструмент), «цирк» и прочие.

Однако я призадумался бы над этими «исключениями». «Цыкнуть» и «цыпленок», конечно, должны писаться через «ы», как ВСЕ РУССКИЕ СЛОВА, где перед гласным «и» — «ы» стоит согласный «ц», как «косцы» или «под уздцы». «Цыпочки» же и «цыпленок» — однокоренные слова: ведь именно цыплят зовут «цып-цып-цып», да и ласкательное «цыпочка» происходит отсюда же.

А понятно, что слова одного корня должны сохранять общее правописание.

Наконец — **ЦЫГАН**. Я думаю, это слово не «исключение», а «недоразумение». Или уж оно-то одно и есть **ИСКЛЮЧЕНИЕ** — но тогда из ряда тех **НЕРУССКИХ** слов, которые пишутся через «и». По-немецки «цыгане» — «тсигойнэр»; немцы взяли это слово «тсигойнэр» из греческого языка. Я убеждён, что оно никак не «чисто русское» и, пожалуй, тоже его следовало бы писать «цигане». Но пока такое обратное правило не установлено, ничего не поделаешь — приходится считать «цыгана» в числе престранных «исключений».

В русском (то есть великорусском) языке вы никогда не найдёте слов, где за Ц шло бы Ю или Я. ЦАПЛЯ — есть, а ЦЯпля — невозможно. ЦУкать — то есть понукать лошадь — «Тц, тц!» — существует, никакого же ЦЮкать нет и никогда не было.

Вот в языках-братьях — ну, скажем, в украинском — такие сочетания звуков и букв — вещь очень обыкновенная. В Ленинграде на набережной Обводного канала помещается Дом культуры имени А. Д. Цюрупы. А. Д. Цюрупа был крупным партийным и государственным деятелем молодого социалистического государства.

Однако, попадая в русский язык, даже иноязычные фамилии начинают, так сказать, «русеть». Не так давно в одной поликлинике я увидел на двери врачебного кабинета табличку: «Врач-терапевт Л. В. ЦУРЮПА». Само собой, врачу показывали эту табличку, прежде чем вывесить её на двери, и врач её не исправил. Значит, его украинская в прошлом фамилия начала уже «русеть»: ЦЮ заменилось на ЦУ, а воспоминание об этом «ю» переселилось в конец слова, встав после согласного «р». После «р» у нас может быть сколько угодно «ю»: «РЮмка», «я гоРЮ», «кРЮчок», «бРЮки».

Слов на «Ця» — в начале, в середине или в конце — я вам не назову: поломайте над ними головы сами. Очень возможно, что их и вовсе нет в нашем языке. Но — так мне кажется — в китайском, например, языке такие слова, и в частности названия, возможны. Знаете что? Посмотрите: может быть, у ваших родителей есть так называемая «Большая Советская Энциклопедия» — это такой

ЦЫ-
ГАН

ЦЫКНУЛ

цыплёнок

на цыпочках

словарь. Попросите папу или маму раскрыть тот её том (их больше 50-ти), в котором кончаются слова на букву «ц». И — лучше с помощью взрослых, потому что я не знаю, как вы сами умеете находить слова в азбучном порядке, — прочитайте те страницы, на которых идут слова на ЦУ и дальше, до конца слов на «ц». Если между ними не найдётся слов на «ЦЮ» и «ЦЯ», это будет значить, что и в других языках мира нет названий городов, гор, имён знаменитых людей, которые бы начинались на такие слоги... Поищите — может быть, найдёте!

Последнее, что я хочу вам сказать о звуке «ц».

Очень часто на «мягкий знак» кончаются слова женского рода — «бровь», «медь», «роль», «резь», «мазь», «даль», «темь» — и множество других, чуть ли не на все мягкие согласные алфавита. Те из них, которые мы видим и слышим, в подавляющем большинстве случаев никакими удивительными свойствами не отличаются. Слова могут относиться к женскому роду, оканчиваясь и на мягкий согласный и на гласные («берёза», «земля»). Напротив того — можно подыскать сколько угодно слов МУЖСКОГО рода, на концах которых стоит «ь»: «ковыль», «гусь», «лось» — мало ли!

По-другому обстоит дело с шипящими согласными. Тут я уже показывал вам: мягкий согласный на конце слова после шипящего не только отмечает, что слово это — женского рода, но, больше того, очень часто приходится признать, что он для того-то только и поставлен здесь, чтобы можно было отличить — какого же рода это существительное. Вот, например, буквы Ч и Щ — всегда произносятся МЯГКО, буквы Ж и Ш — всегда ТВЕРДО; мы уже об этом говорили. Поэтому, ставя после Ш «мягкий знак» в слове «мышь», мы только показываем, что оно — женского рода. Если написать «мыш», то на вопрос «у кого?» придётся ответить: «у МЫША», а про цвет шкурки сказать: «какой миленький беленький МЫШ»... Вот если написано «мышь», так мы уже знаем — она «миленькая», «серенькая». Или — «гадкая, хвостатая!» Наоборот, «уж» или «ёж» — непременно «мальчишки»: «длинный уж», «колючий ёж»; вам и в голову не придёт сказать: «ползла страховидная УЖ». Но даже впервые прочитав слово РОЖЬ, вы сразу поймёте,

МЫШ

6

-ата

УЖ

?

ЁЖ

?

что про неё можно сказать только «густая, колосистая», а не «спелый рожь». Видите? И среди слов на шипящие можно найти слова как мужского, так и женского рода. А теперь попробуйте поискать существительные женского рода, которые кончались бы звуком «ц». Ну, вы сами понимаете, что просто на «ц» они не могут кончаться, ведь «ц» — твёрдый согласный, и он стоит только на концах существительных рода мужского. Значит, надо найти имя существительное, которое кончалось бы на «ЦЬ».

Вот и ищите. Если найдёте, получите звание: «Молодец первого ранга».

ПРЯТКИ, ЖМУРКИ, МАСКАРАДЫ...

ак? Такое веселье в мире грамматики?

Ну, не берусь спорить: может быть, среди ребят вашей школы игры и забавы оказались бы ещё более увлекательными, но и тут слова ведут себя и непринуждённо, и весьма занимательно.

ПРЯТКИ

Начнём с прятков.

Вот слово «дубовый»: слово как слово. Легко сосчитать, сколько в нём букв. А теперь попробуйте счесть его ЗВУКИ. Их тоже семь. Хорошо и просто и как будто так оно и всегда бывает. В слове дом букв и звуков поровну. В слове кста ти — и тех и других по шесть!

Но вот настает утро. Скрывается за горизонтом ЛУНА (4 буквы и 4 звука), гаснут ЗВЕЗДЫ (6 звуков и 6 букв), и в алых одеждах зари выплывает из-за гор высоких, из-за морей далёких красное СОЛНЦЕ... Гм!

Прочитайте-ка это слово: 6 букв!

А теперь громко спойте:

Пусть всегда будет СО-О-О-НЦЕ,
Пусть всегда будет МА-А-МА!

Сколько звуков вы пропели в слове СОЛНЦЕ? Только пять: никакого «л» в нём ни вы, ни я не слышали. Да вы его и не «выпевали», потому что мы его НИКОГДА в этом слове и не произносим. Всегда говорим: СОНЦЕ! Что же за игра в прятки у букв со звуками? И зачем надо это «л» в слове «солнце» писать? Только ради трудности? Чтобы было как на конских скачках? Там ведь поперёк скаковой дорожки устраивают заборчики, роют канавки, чтобы стало труднее выполнить задачу и лошади и наезднику. Не для того ли, чтобы помучить школьников, придумали в слове СОЛНЦЕ вставить букву «л»? Стоп! Какой свет ярче — лунный или СОЛНЕЧНЫЙ?

Кончиком карандаша аккуратно подсчитайте буквы. В слове ЛУННЫЙ их 6, а в слове СОЛНЕЧНЫЙ — 9. А звуков? Да ровно столько же — там 6, тут 9. Откуда ни возьмись, выпрыгнуло «л». Так самые маленькие дошколята, ещё ясельники, очень любят играть в прятки, но никогда не могут досидеть в углу, пока их там найдут: непременно не выдержат и выскочат с визгом...

Значит, звук «л» всё-таки в слове «солнце» есть. Только он существует в нём как бы «в скрытом состоянии». Ну, может быть, вы видели иногда летом: идёте вы тёплым вечером над тихой речкой, и солнце неторопливо уходит за край земли, и воздух чист, как только что вымытое стекло... И вдруг откуда-то на вас пахнёт лёгким холодком; и почти тотчас же всё впереди вас: и луг над озером, и домики деревушки, — всё, как молоком, затянет туман. Откуда он взялся? Принесло его ветром? Да ведь и ветра-то нет... Неправда, он, этот туман, этот водяной пар, всё время был тут, перед нашими глазами, но «в скрытом, невидимом состоянии». Его нельзя было увидеть. А чуть похолодало, и — вот он, тут как тут. Явился!

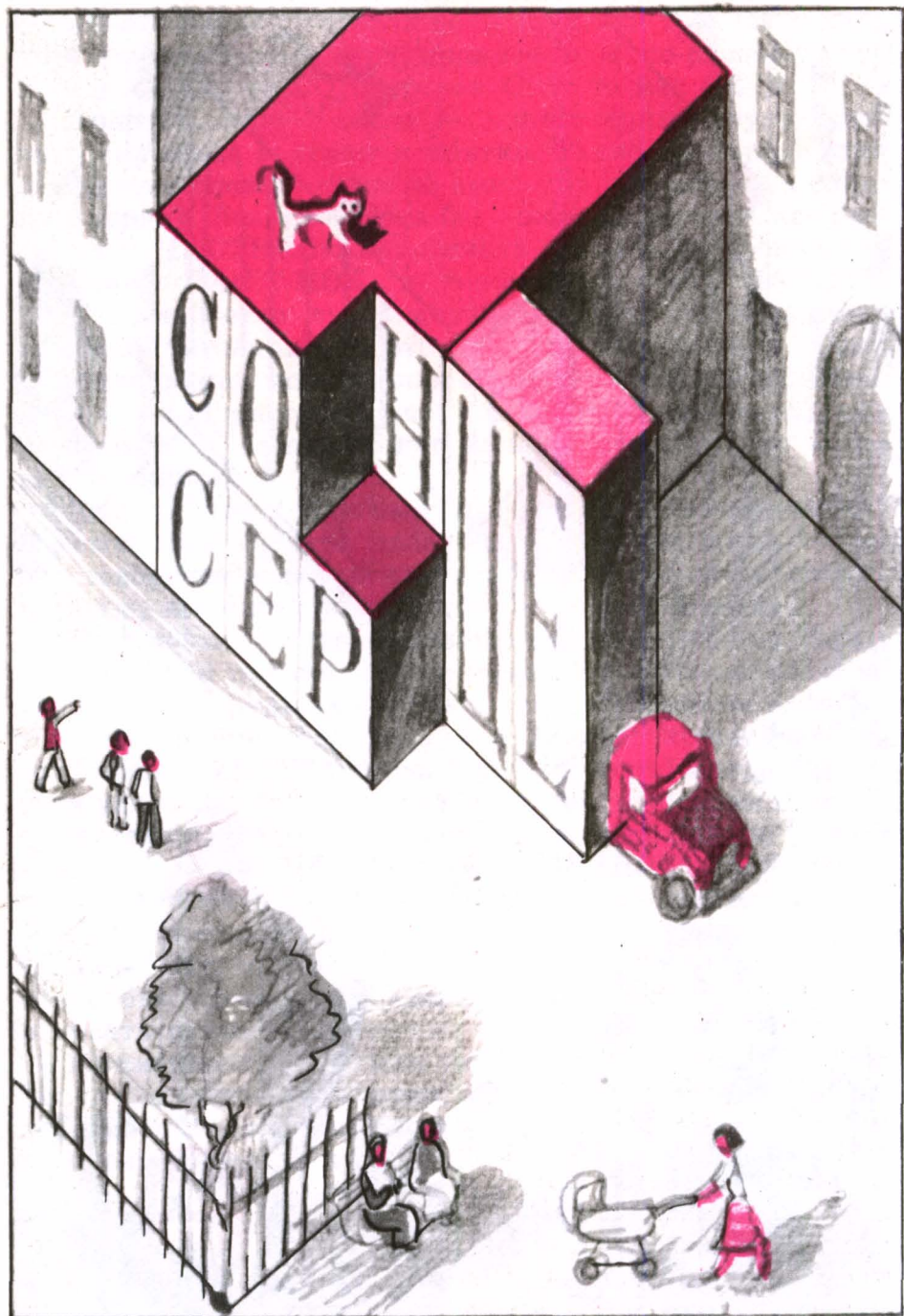
Так и со словом СО-Л-НЦЕ: в нём это «л» — важный составной элемент корня. Важность его можно показать, например, вот как: во многих европейских языках солнце называется словами, в которые входят звуки «с-о-л». В старом латинском языке оно так и звалось «СОЛ» (апостроф над «л» значит, что «л» тут мягковатое). Так же зовут наше светило и теперь испанцы, и португальцы, и итальянцы. У французов «солнце» — «солейль»

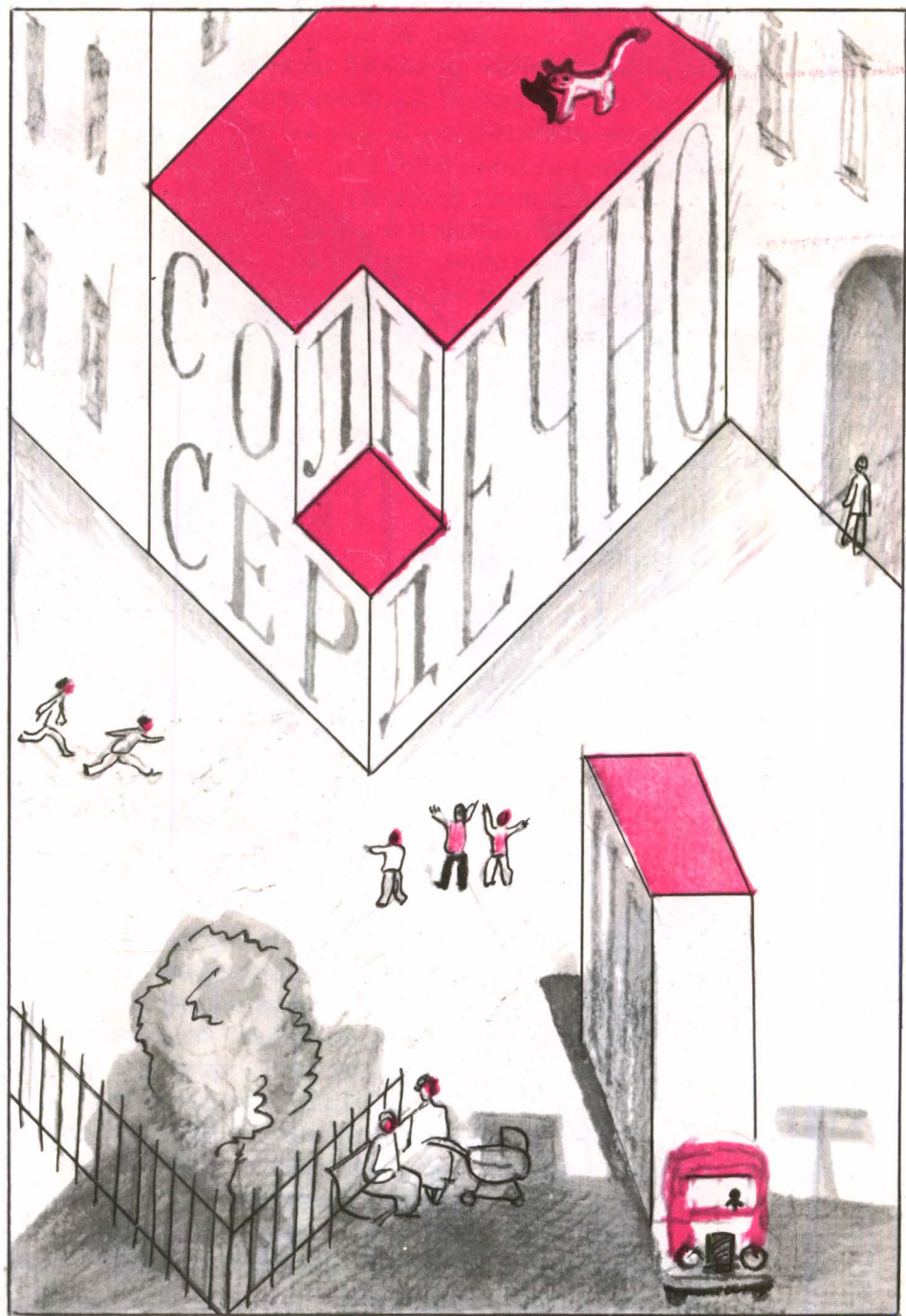
(произносится «солей»). И у наших пращуров в древней Руси солнце сначала звалось «СЪЛНЬ-СОЛНЬ». Звукосочетание «це» прибавляли, только когда хотели назвать его нежно, ласкательно. В тогдашнем языке «СОЛН-ЦЕ» было то же, что теперь у нас «солнышко». А потом, когда старое слово потеряло своё ласковое значение, им стали просто пользоваться, как любым другим — ну, как словом «луна». А для «милого» солнца придумали новое: «солн-ыш-ко». Что старое «це» в конце слов могло придавать им ласковую уменьшительность, показывают такие слова, как «крыль-цо» (от «крыло» — крыша над входом прикрывала ступени, как крылышко) или «рубильце» (маленькое рубило). А куда спряталось солнечное «л»? В устном разговоре мало-помалу звук «л» выпал, перестал слышаться. А на письме буква «л» осталась на своём месте. И получилось так, точно «л» играет с нами здесь в прятки: то покажется, то затаится. Догадаться, что это оно куда-то юркнуло, ни один не русский человек не может. Да и нам, русским, приходится ЗАПОМИНАТЬ: говорим СОНЦЕ, пишем СОЛНЦЕ! Иначе — ничего не сделаешь.

Солнце — не одно такое причудливое слово. Есть у него слово-двойник. Это — СЕРДЦЕ. Если вы прислушаетесь, вам станет ясно, что они и по звучанию похожи друг на друга:

СОЛН-ЦЕ — СОН-ЦЕ
СЕРД-ЦЕ — СЕР-ЦЕ

Точно так же и «сердце» когда-то обозначало «сердечко», а «не ласкательная, не уменьшительная» форма была другой, более краткой: «СЕРДЬ». А потом то, что когда-то звучало ласково и нежно, примелькалось, стало просто значить «сердце», и для других значений родились новые слова: «СЕРДЕЧКО», «СЕРДЕЧУШКО». Как только это всё случилось, так сразу же звук «д» приобрёл тот же самый характер «прячущегося», «скрытного» звука. В словах «серДечко», «серДечный» — он тут как тут. А в слове «сердце» мы его не произносим и не замечаем его присутствия. Поэтому нам так легко впасть и здесь в ошибку: начать не только произносить, но и писать слово СЕР-Д-ЦЕ без «д». А нельзя: было бы

странно и неуклюже, если бы в двух или трёх словах одного корня корень этот являлся нам по-разному — то в виде СОЛН, то СОН; то как СЕР, то как СЕРД.

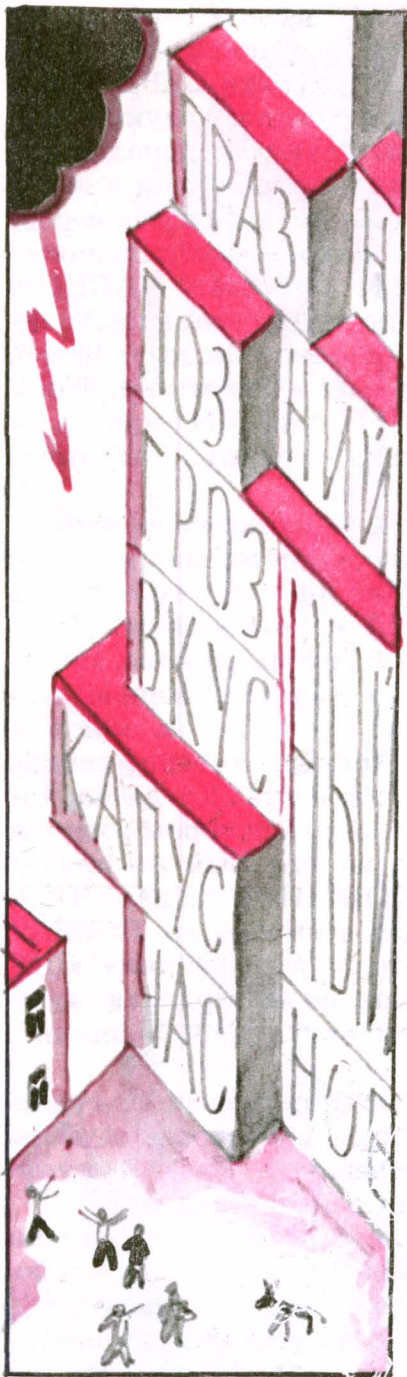
Конечно, это — далеко не единственные звуки-лукавцы, склонные к играм в прятки. Такие же попадают и в других словах, вовсе не имеющих отношения к солнцу и сердцу. Возьмите хотя бы такое математическое слово, как «ЧАСТНОЕ». Ведь никто никогда не произносит его так: ЧАС-Т-НОЕ, а говорит спроста: ЧАСНОЕ. Того хуже: если вы у доски начнёте, стараясь, всякий раз выговаривать это «т» слишком ясно и чётко, то учительница может поправить вас: «Что это ты, Ермолаев, — инопланетянин, что ли? Зачем говоришь, как пишешь?» И ребята могут начать дразнить вас «инопланетянином».

Как же быть? Как выпутаться из этих затруднений? Запоминать? Всех-то слов не перезапоминаешь, — как они говорят и как пишутся?! Нет ли тут какой-нибудь помощи, запоминалки, ПРАВИЛА какого-нибудь?

Как не быть? Есть! И вообще-то, очень простое. Как и большинство правил, помогающих узнавать верное правописание в трудных случаях, оно построено на одном и том же приёме. Так ведь и в хоккее: хочешь забить гол — бей чаще по воротам, и вся хитрость! Когда мы хотели узнать, как пишется любое слово, в котором имеется сомнительный гласный звук, но на который не падает ударение, мы ИСКАЛИ РОДСТВЕННОЕ СЛОВЕЧКО, где УДАРЕНИЕ КАК РАЗ СЮДА-то и падало. КОЗЁЛ? Ясно, надо «козёл». Почему? Потому, что «козлик»! «Домашко»? Ну, что же. Гадать долго не приходится: нужное слово «дом»; под ударением звучит «о» — значит, и писать нужно «о».

Примерно так же и в этих наших новых случаях. Запомним: есть такие звуки, которые в некоторых словах исчезают. Ну, вот так же, как исчезает в глазах охотника олень, зайдя за куст и застыв в неподвижности.

Но опытный житель леса знает: сделай осторожно полшага, ну, шаг в сторону — и спрятавшийся зверь вдруг как бы выступит из густой листвы. Так и тут: в слове «частный» на слух прямо за «с» следует «н»... Но чуть-чуть «переместитесь», вспомните, что есть и

слова «частица», часть», — и вы сразу же увидите «спрятавшегося зверя», то есть звук. Ну, увидеть, конечно, не увидите, а услышите.

На первый взгляд это кажется ужас как трудно: как можно быстро разобрать, что в слове «поздний» прячется звук «д», а в слове «грозный» никакого «запрятанного» согласного нет? Но ведь трудность тут пустяковая. Подумайте, как просто: тот, кто «поздно» пришёл, — тот «опоздал». А попробуйте-ка придумать такое слово, по смыслу близкое к слову «грозный», чтобы в нём откуда-то появился какой-нибудь лишний согласный. «Грозить», «гроза», «грозящий», «грозовой»... Гроздь? Слово не родственное. Ничего общего! Нет, никаких новых согласных не появляется рядом с «з». Ну, значит, смело пишите тут «гроз-ный», а там «позд-ный».

Попробуйте проделать такие же фокусы со словами «капустный» и «вкусный». Вы увидите, что и тут получится то же самое. У «капусты» есть слова-родственники, где после подозрительного места сразу же идёт гласный звук, и «подозрительность» их просвечивается, как в больнице рентгеновским аппаратом рёбра. «Капуст-

ный» — «капуста» и «капусТянка» — на юге так называют крупное насекомое — медведку.

А «вкусный» — так и остаётся: «вкус», «вкуснятина», «вкусовой» — никакого «Т» не появляется.

Вот такие-то случаи я и назвал «прятками».

ЖМУРКИ

Если хорошо разобраться, так «жмурки» — те же «прятки»: только в одном случае тот, кто водит, отворачивается, а остальные прячутся, а во втором ему отворачиваться не нужно — ему самому глаза завязывают.

Так и эти грамматические «жмурки» тоже очень похожи на «прятки». Тому, кто уже наше правило усвоил, даже смешно и странно смотреть, как тычутся, не зная, что написать, мальчишки и девочки, его не знающие.

«Ведь это проще простого!» — кричите вы. Но вам-то проще простого, а они пыхтят-пыхтят — и ошибаются...

Несколькими строчками раньше я рассказывал о том, как некоторые согласные внутри слов искусно и лукаво прячутся. Я постарался рассказать вам, как это им удаётся так ловко спрятаться.

Прочитайте эти две последние строчки и два и три раза вслух. И пусть Коля Медведев или Светка Кольцова тоже прочитают их вслух; притом — как можно яснее! Прислушайтесь, есть ли какая-нибудь разница в том, как произносятся окончания обоих слов: «прячутся» и «спрятаться». Если только вы будете говорить честно и откровенно, вы признаете, что никакой разницы не заметили. Конечно, лишь в том случае, если бы вы читали оба эти выражения вслух.

Да её, разницы, и на самом деле в устной речи нет, все русские люди, ГОВОРЯ, произносят и то и другое СОВЕРШЕННО ОДИНАКОВО. И вы и я, если бы мы вдруг стали стихотворцами, ни на миг не задумались бы срифмовать такие строчки:

Посмотрите, как он мчится,
Не боится зацепиться...

Стихи — ниже среднего уровня, но рифма вышла вполне благопристойная.

А в «Коньке-Горбунке» забияка-ёрш кричит «приставам»:

Будьте милостивы, братцы,
Дайте чуточку подраться...

Видите: «-иться», «-ится», «-аться» и «-атцы» — всё звучит почти одинаково.

Дело в том, что у нас, в русской поэзии, действует такое правило: рифмы считаются не по написанному, а по тому, как слова звучат. Например, у нас «ещё» и «горячо» каждый признает отличной рифмой, а французский поэт ахнул бы от страха: у них рифма только тогда рифма, когда оба слова имеют одинаковые окончания, если их написать. Так, например, «муа жё ди» и «моди» («я говорю» и «проклятый») не будут во Франции признаны рифмой, хотя произносятся они, как вы видите по их русскому написанию, совершенно одинаково; но вот по-французски они пишутся различно: «Moi, je dis — «я говорю» — и «Moi, maudit» — «проклятый».

Видите: произносятся одинаково, а на письме окончания разные, и французы это рифмой уже не считают.

Из того обычая, какой принят в нашей поэзии, получается большая польза не только для поэтов, а и для всех тех, кто хочет хорошо изучить русский язык. Благодаря такой «рифмовке» мы теперь, даже сто лет спустя, можем по стихам судить, как когда-то разные слова произносились. Пример? Пожалуйста!

Вот, скажем, сейчас у нас с вами прилагательные мужского рода в именительном падеже чаще всего оканчиваются на «-ий» или «-ый»: «красн-ый», «син-ий», «зелён-ый». Если же взять прилагательное женского рода, которое оканчивается на «-ая», ну, скажем, «красн-ая роза», да поставить его в другом падеже, например: «нет (чего?) краснОЙ розы», — то окончание получится уже «ОЙ». Слова «красная» и «властная» мы можем «пририфмовать». А вот «красный» и «властной» — рифма не получится.

Читая же стихотворения поэтов прошлого века, особенно его начала, мы видим, что они очень просто и свободно рифмуют такие, на наш слух совсем непохожие, окончания.

Наверняка вы помните в «Сказке о царе Салтане» рассказ заморских «гостей»:

... В море остров был крутой,
Не привальный, не жилой;
Он лежал пустой равнинОЙ;
Рос на нём дубок единЫЙ...

Каждому ясно, что ни один русский человек никогда не мог бы сказать «лежал равнинЫЙ». А вот великий поэт поставил слова «единЫЙ» и «равнинОЙ» в рифму. Значит?..

Значит, он произносил «единЫЙ» как «единОЙ», ещё того вернее — оба эти окончания выговаривал неясно, похоже одно на другое. Описка? Да нет, вспомним того же Пушкина:

По дороге зимней скучнОЙ
Тройка борзая бежит,
Колокольчик однозвучнЫЙ
Утомительно гремит...

И здесь то же самое: Пушкин, конечно, никогда не говорил: «По скучный дороге» — так никто не говорит! А рифму-то он такую взял! Значит, он слово «однозвучнЫЙ» выговаривал как «однозвучнОЙ», иначе бы они просто не «срифмовались».

Теперь вы и сами видите: языковеды по стихам давно писавших поэтов могут устанавливать, как сто пятьдесят лет назад (да и больше) люди, наши деды, выговаривали слова и составляющие их звуки.

Это очень интересно и важно: ведь когда жил Пушкин, не было ни патефонов, ни магнитофонов, и судить о его выговоре нам было бы совсем немыслимо. А вот — судим! Кое о чём — но судим!

Ну, если мы можем таким образом восстанавливать, как слышали звуки наши пра-прадеды, так, пожалуй, ещё естественней, что мы можем по рифмам поэтов судить и о том, как слышим и выговариваем их мы сами. А это довольно существенно, потому что вовсе не всегда люди бывают твёрдо уверены в том, как звучат в одном или другом случае их слова, и в том, как и почему их надо при этом именно так, а не иначе писать.

МАСКАРАДЫ

Кроме прятков и жмурок слова и звуки слов не прочь иногда позабавиться и маскарадом.

Впрочем, прежде, чем перейти к звукам в масках, ещё два слова об одном (я, правда, уже приводил его в пример) случае звуковых жмурок.

Вот мы говорим: то ОН ПРЯЧЕТ-СЯ, то ОН УМЕЕТ ПРЯТАТЬ-СЯ, причём произносим и то и это -ТСЯ совершенно одинаково. Почему же и для чего пишем мы эти слова совершенно по-разному: тут -ТСЯ, а здесь -ТЬСЯ? В чём дело? Что значит ПРЯТАТЬ, вы отлично знаете — скрывать что-нибудь так, чтобы было не найти. А ПРЯТАТЬСЯ? Это значит: ПРЯТАТЬ СЕБЯ.

МЫТЬ — значит «очищать, погружая в воду». А МЫТЬ-СЯ? Очищать СЕБЯ! И дошколёнок сообразит: очевидно, тут везде СЯ обозначает СЕБЯ. Ну, правда, это нельзя понимать так уж попросту «себя» (да и «себя» — конечно!). Если я говорю, что мне «охота подраться», это вовсе не значит, что я собираюсь «ДРАТЬ самого СЕБЯ». Но это — в человеческой жизни — огромная разница; в грамматике «СЯ» почти всегда равнозначно «СЕБЯ», только в разных смыслах: иногда и впрямь «себя самого», иной раз — «друг друга», «взаимно» — бывают и ещё разные значения.

Что это так — хорошо видно из образчиков языка наших древних предков. У них в старых рукописях это наше «СЯ» не только нередко отделяется прочь от того слова, к которому оно относится («И ПОГРУЗИЛИ СЯ В ВОДЫ РЕЧНЫЕ»), но, случается, перемещается с конца на его начало: «В ВОДЫ РЕЧНЫЕ СЯ ПОГРУЗИТИ». Вот тут уже совершенно ясно: -СЯ — СЕБЯ.

Да и в современном польском (и болгарском и чешском — родственных нашему) языке тоже постоянно встречаются такие перемещения частицы «ся» с конца слова на его начало или даже в положение перед словом.

Ну, а теперь я открою вам одну тайну: расскажу, как быстро я приучил сначала своих детей, а потом и внука правильно писать слова, обозначающие действие, и притом кончающиеся на это самое «заковыристое» СЯ, да

ещё так, чтобы писать где положено с мягким знаком, а где нет, — без него.

Признаюсь: это — способ не учёный, а «практический». В нём несколько беззаконий. Но действует он верно, почему я и передаю его вам.

БЕЗЗАКОНИЕ ПЕРВОЕ: давайте слова, обозначающие действия (глаголы), оканчивающиеся на «ся», мысленно разделим на две части: самый глагол и добавление «ся».

Будем играть теперь так — говорите если не друг другу (чтобы людей не смущать), то про себя: «Вот пойду мыть-СЯ, потом буду утирать-СЯ, а с чистыми руками сяду занимать-СЯ».

Можно и ещё дальше хватить: «Вот пойду мыть СЕБЯ, потом утирать СЕБЯ, а с чистыми руками сяду занимать СЕБЯ».

И ещё дальше думать никто нам не воспретит: «Пойду СЕБЯ мыть, потом СЕБЯ утирать, а с чистыми руками СЕБЯ занимать».

Конечно, постоянно будут получаться смешные и нелепые выражения: «Мы вчера около школы чуть было СЕБЯ не подрали, но потом СЯ образумили».

Но ведь в этом никакой особой чепухи нет: мы-то с вами знаем, для чего мы такую чепуху откалываем. А для чего?

А вот для чего! Если рядом сказать «заикаться» и «он заикается», — то, как мы с вами уже заметили, очень трудно различить, в котором случае здесь нужен мягкий знак, а где его не требуется. А вот если переиначить эти слова, как мы это делаем, и сказать: «Ну, об этом лучше и не заикать СЕБЯ!» — и рядом: «Ах, как он сильно заикает СЕБЯ!» — сразу же становится ясно: в первом случае «Ь» необходим, потому что в слове «заикать» он ясно слышен: слышно, что «т» тут «мягкое». А во втором никакой мягкости нет; значит, не нужно и этого знака «Ь».

Понятно, что при таких переделках слов иногда могут получиться престранные и пресмешные «высказывания»: «Откуда вы являете себя?» — «Я себя являю прямо из дома». — «А любите ли вы на переменах возить СЕБЯ с ребятами?» — «Возить СЕБЯ я ничего не имею против,

но не люблю, чтобы мне потом за возню СЕБЯ доставало СЕБЕ от преподавателей!»

Скучным людям может показаться, что ни к чему это я всё болтаю. Как ни к чему? А вот «показаться»? Ведь это «показать СЕБЯ!» Значит, без мягкого знака — никак. Смешно? Так ведь, милые мои, чем смешнее, тем лучше! Разве я не прав? Десятки моих маленьких приятелей наловчились вести друг с другом длинные беседы, отделяя так «СЯ» и «СЕБЯ», и ни один не испортил им себе языка, а ошибок на ЭТОТ МЯГКИЙ ЗНАК все они почти не делают.

Теперь вот ещё один вопрос: почему всё-таки я назвал эту маленькую подглавку «МАСКАРАДОМ»?

Мы только что заметили, что между произношением частей слов «-ТЬСЯ» и «-ТСЯ» уловимой на слух разницы нет. Но ведь можно сказать и того больше: когда мы говорим и «-ться» и «-тся», у нас получается ЦЦА именно «ЦЦА». Если вспомнить всем известные стихи:

Дети, в школу собирайтесь...
Попроворней одевайтесь,
Смотрит солнышко в окно! —

да немного их переделать:

Дети! В школу собираться!
попроворней одеваться!

то, прислушиваясь, вы почувствуете, что строки эти звучат так:

...в школу собирацца!
попроворней одевацца!

Впрочем, зачем переделывать чужие стихи? Я опять развернул «Конька-Горбунка» Ершова и снова наткнулся на те же строчки:

Будьте милостивы, братцы,
Дайте чуточку подраться...

Помните?

Выйдя прогуляться (прогулять себя!), я встретил одну молодую женщину — отличного поэта — и рассказал ей о том, что ищу строчки с такими рифмами.

— А зачем искать? — удивилась она. — Да я вам их

сейчас сколько хотите насочиняю. Вот, пожалуйста! — Она указала на сидевшего на ветке куста скворца:

Дорогая наша птиЦА,
Возвращайся к нам гнездиТЬся!

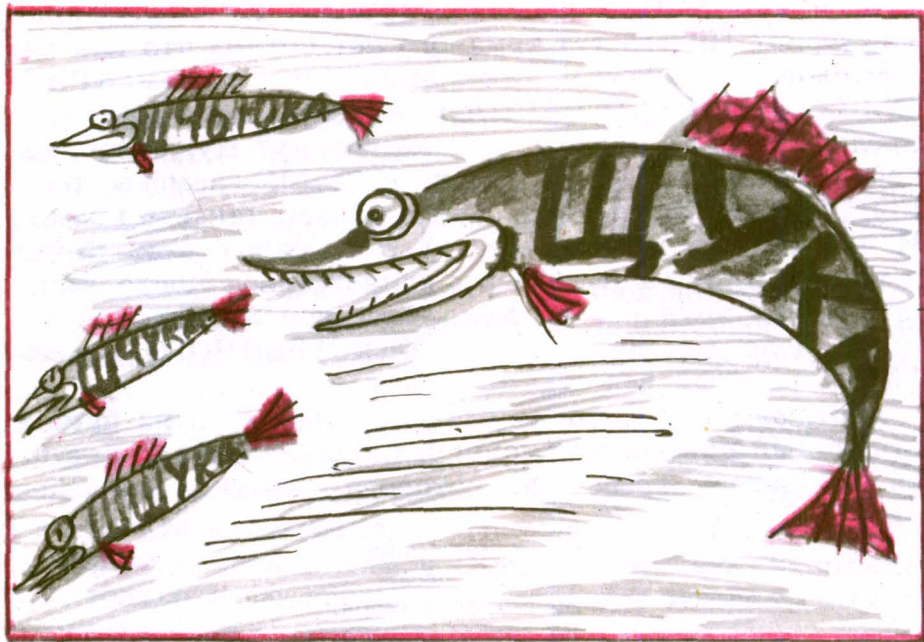
— Разве плохо?

— Хорошо, — обрадовался я, — великолепно! Чудесный пример на замаскированное окончание...

Полагаю, Майя Ивановна Борисова не рассердится за то, что я тут её «процитировал».

Не думайте, однако, что слова, оканчивающиеся на эти «ЦА» и «-ТЬся» или «-Тся», — единственные любители маскарадов. Есть у нас и другие звуки под масками. Вслушайтесь, как некоторые выговаривают слово ЩУКА. Одни произносят слово ШШУКА, другие иногда «ШЬШЬЮКА», так что можно даже допустить, что звука «Щ» у нас в языке и вообще нет; мы просто называем так либо долгое Ш, либо долгое Шь — то есть мягкое Ш. Вот вам и ещё пример словесно-звукового маскарада.

Ну, о Щ я вспомнил так, кстати, и в применении к

нему нам с вами особенно затрудняться нечего: НИКОГДА мы не пишем ни ШШ, ни ШЬШЬ, а всегда, где слышатся такие согласные звуки, ставим букву Щ. Тут и к услугам стихотворцев прибегать не приходится.

ТРУДНО И ЛЕГКО

Наверно, найдутся среди вас такие пуганые вороны, которые, прочитав всё, что я написал до сих пор, зажмурятся, закачают головами и забормочут: «Ой-ой, как трудно! Нет, какие тут ПИРВАКЛАШКИ! Тут, наверное, и ВАСЬМИКЛАССНЕКАМ правильно написать ничего не удастся!»

— Эх! — скажу я вам. — Не видывали вы ещё трудностей! Сейчас я поведаю вам про то, о чём вы ни в одной нынешней грамматике не прочитаете.

Вы, конечно, знаете слова: ЦВЕТОК, ЗНАМЯ и КРАСКА. Про первый мы скажем КРАСНЫЙ цветок, про второе — КРАСНОЕ знамя, про третью — КРАСНАЯ краска, верно? Ничего тут трудного нет, потому что как мы эти слова произносим, так в точности и пишем: КРАСНЫЙ, КРАСНОЕ, КРАСНАЯ. А теперь если всех этих предметов не по одному, а по несколько? Ну, что ж, ничего хитрого: красНЫЕ цветки, красНЫЕ знамёна, красНЫЕ краски! Опять-таки: как говорим, так и пишем... И что же, так и было всегда? Нет, милые мои! Когда я учился и писал эти слова в единственном числе, никаких особых трудностей у меня тоже не получалось. А вот когда дело доходило до МНОЖЕСТВЕННОГО, приходилось каждый раз задумываться.

Вот, например, как выглядел записанный на бумаге отчаянный призыв о помощи бедного сказочного Петушка — Золотого гребешка, которого схватила злодейка лиса:

Несёт меня лиса
За синие леса,
За широкия моря,
За глубокия реки...

Спрашивается: почему леса синиЕ, реки и моря широкиЯ и глубокиЯ? Потому, что лес — мужского рода, река — женского, а море — среднего. Пишучи, приходилось всё время учитывать, какого рода существительное, чтобы стоящее рядом с ним прилагательное написать правильно: то ли с окончанием Е, то ли с Я.

«Погодите, — спросите вы, — так, наверное, тогда это и в разговоре слышалось?»

Эх, кабы так! Конечно, учителя у меня бывали разные. Были добряки, диктовавшие так, что можно было расслышать: красныЕ, синиЯ или синиЕ. Но попадались и такие зловреды, которые нарочно выговаривали «быстрыЕ реки» и «синиЯ леса». Тогда я, признаюсь, сердился на них, а сейчас думаю, что они принесли мне больше пользы, чем преподаватели-добрячки. Когда-нибудь и вы тоже станете так же думать.

«Фу! — скажут самоуверенные сегодняшние ребята. — Вот нашёл трудности! Да родов-то всего три, а окончаний и вовсе два! Что же за сложность?»

Эх, молодые люди, молодые люди! А вот послушайте, я продиктую, есть старая русская плясовая песня:

Ах вы сени, мои сени,
Сени новые мои!
Сени новые кленовые,
Решётчатые!

Так мы пишем слова этой песенки сейчас. В 1913 году дело обстояло куда сложнее.

Однажды нашему учителю русского языка пришлось на ум включить четыре этих строчки в диктовку — наверное, «на букву ять».

Был у нас в классе ученик со звучной немецкой фамилией Оффенберг, не отличавшийся ни способностями, ни прилежанием. Он написал слова этой песни точно так, как напечатано на этой странице.

Под его «Диктовкой» учитель поставил жирное «2». Он подчеркнул красным карандашом 7 ошибок: 4 раза слово «сени» надо было написать через «ѣ» — «СѢНИ», — а в прилагательных «новые», «кленовые» и «решетчатые» на концах писать не «Е», а «Я» — потому что «Е» ставилось только тогда, когда прилагательное относилось к существительному мужского рода.

— Как же тебе, Оффенберг, не стыдно было сделать подряд семь грубых ошибок? — возмущался учитель. — Почему ты пишешь «новыЕ», почему ты пишешь «СЪНИ» через «Е»?

— Потому, что СЕНЯ — мальчишка, — мрачно отвечал Оффенберг, смотря на поверхность своей парты, — у нас в доме два Сени живут. Оба противные!

— Ах, вот как? — удивился учитель. — Ты, значит, считал, что это мальчишки — кленовые и решётчатые? Потому ты их через «е» и написал?

— Ну, да! От слов Симеон и Анна! — ответил Оффенберг. — Меня дома за двойку ругать будут.

— А ты не подумал, что «съни» происходят от славянского слова «сънь», родного братца (нет, пожалуй — родной сестрицы) русского «тънь», и что, значит, она — женского рода?

— Нет, я об этом не подумал! — честно признался Оффенберг.

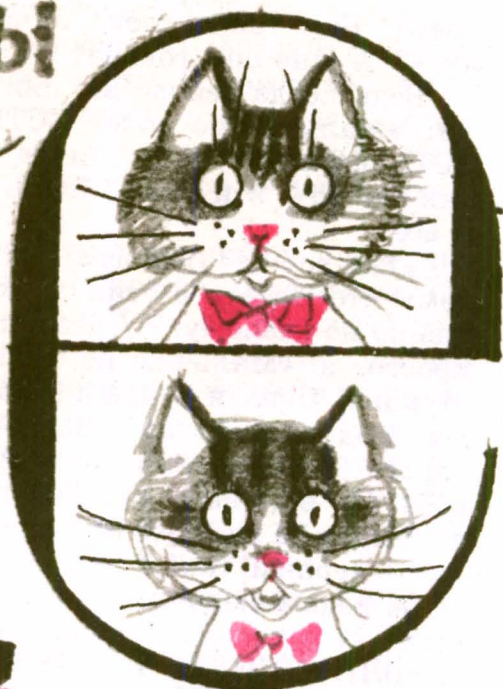
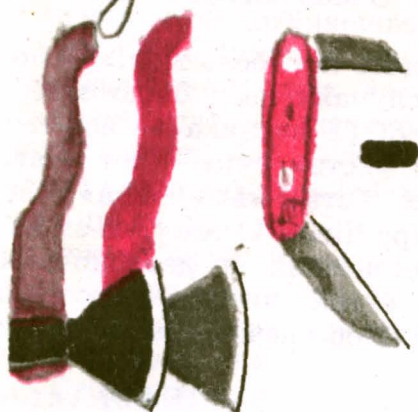
— Ну, хорошо, — сказал тогда учитель. — Раз ты считал, что бывают мальчики новые, кленовые, решётчатые, я тебе исправлю двойку на двойку с плюсом. Ты доволен?

— Всё-таки, хоть что-нибудь... — пожал плечами широкий, коротенький Оффенберг и сел за парту.

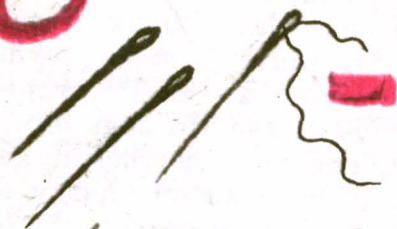
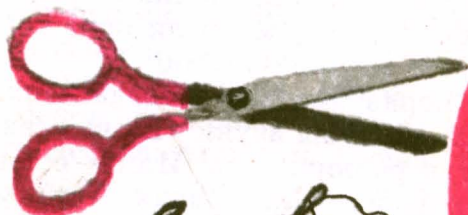
Хорошо, бывало, если попадётся такой пример, как **ОЧКИ** или **НОЖНИЦЫ**. Тут можно, раскинув умом, додуматься — как мы говорим: у меня нет чего? Нет **НОЖНИЦ**, так же, как нет **СПИЦ**, нет **РЕСНИЦ**, нет **КУНИЦ**, — род женский. Если же слово мужского рода, то во множественном числе, отвечая на вопрос «чего — или кого — нет?», мы скажем: «Нет шпигцев, нет шприцев, нет Фрицев...» Значит, когда есть окончания «-ев», надо ставить смело «Е»: «пушистые шпицы», «острые шприцы». А когда окончания совсем нет — «ресниц, куниц, ножниц», — надо ставить «я»... Так приходилось рассуждать нам лет 65 тому назад. До самой Октябрьской революции школьникам-младшеклассникам приходилось решать такого рода хитроумные задачи и при этом ещё опасаться, что, дав неправильный ответ, прощ простого «схватишь пару», — ошибки эти, неведомо почему, считались «грубейшими» — вроде ошибок на

ПОЛОСАТЫ

УСАТЫ

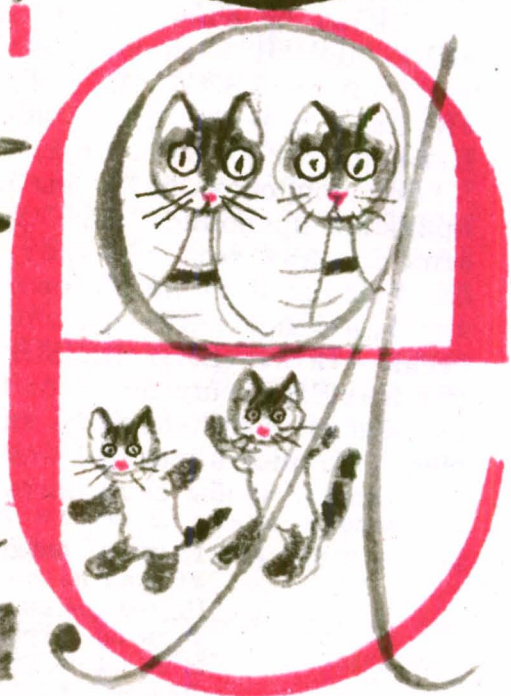

ОСТРЫ

УСАТЫ

ПОЛОСАТЫ

«ять». Вам такие слова ничего не говорят: что за «на ять»? А мне они говорят ох как много.

Ведь когда сейчас вы пишете под диктовку две фразы: «Мальчик не хочет ЕСТЬ суп» и «У этой девочки ЕСТЬ косичка», — вы ни на минуту не задумываетесь, как писать эти два «ЕСТЬ». Очень просто: Е-С-Т-Ь, и всё.

«Так вот где (некогда!) таилась погибель моя!» — потому что писать в этих двух случаях надо было совершенно по-разному. «У девочки ЕСТЬ косичка» — вот так просто, а «Мальчик не хочет «ѣсть» суп» — вот этак, странно! Первая буква в словах «ѣсть», «ѣм», «ѣда» и во всех родственных им и была страшным «ятем», из-за которого столько лилось мальчишеских и девчоночьих слёз. Ну ещё бы — ошибки на «ять» считались самыми грубыми. За каждую из них была обеспечена двойка, а за две — верный «кол».

А ведь между тем отличить на слух «Е» от «ятя» было совершенно невозможно. Слова «ЕЛИ ШУМЯТ» и «ѢЛИ: ТЕПЕРЬ ШУМЯТ» произносились совершенно одинаково, а означали и писались вовсе по-разному. «ЕЛИ ШУМЯТ» значило «ёлки шумят» (ну, скажем, от ветра). А вот «ѢЛИ: ШУМЯТ!» надо было понимать, как «Кушали, а теперь расшумелись». Ну, мало ли почему? Наверное, от удовольствия, что их покормили!

Вот попробовали бы вы поразбираться в тогдашних правилах правописания. Ведь если бы звуки «Е» во всех этих случаях хоть чем-нибудь различались! Или — если было бы правило: когда говорится о мальчишках — ставь «ять», а о девочках — Е; или хоть так: о неживых существах — «ять» (ѢЛИ ШУМЯТ), о живых — ЕЛИ (старинное имя Елена) шумят, — было бы легче. Но ведь ничего подобного! И приходилось нам, бедным, пускаться на хитрости, сочинять разные стишки, составленные из слов с «ятями», чтобы запомнить, как они пишутся:

Нѣжный, блѣдный, бѣлый бѣс
Убѣжал по снѣгу в лѣс,
По слѣдам он рѣзво бѣгал,
Рѣдкой с хрѣном пообѣдал
И за бѣдный тот обѣд
Дал обѣт надѣлать бѣд...

Стишки далеко не пушкинские, да и помогали они не особенно, но знали их все! Ну, хорошо, — «обед» или «нежный» надо было писать через «ять». Запомнили? А вот попадаются предложения, где говорится о «мелких кусочках мела». Как догадаться, что «мёлок» надо было писать через Е, а «мъл» или даже «мълок» — через «ять»? Умрёшь — не догадаешься!

Ну, было правило, что, если в каком-нибудь слове, при его изменении, звук «е» вдруг может замениться «ё» (скажем, «слЕза», но «слёзы», «пчЕла», но «пчёлы»), там надо писать «е». Очень приятно и успокоительно. Но вдруг слова «сЕдло» (сёдла), «звЕзда» (звёзды) и даже сами «цвёл», «приобрёл», «надёван», «поддёвка», которые не так-то легко и соединить с «поддеть» или «приобретать», — во всех случаях надо было писать через «ять». Да, да! «Звѣзда» и «звѣзды», «надѣвать» и «надѣванный», «поддѣть» и «поддѣвка» — все через «ѣ»!

Странное было правописание, не правда ли? Но и это ещё не самое нелепое.

Вот были до 1918 года в нашей азбуке две буквы для звука «ф»: одна — «ф», как сейчас, а другая — вовсе непохожая «Ѳ». Она и звалась не «эф», а «фита». Где её полагалось писать? Ну, если говорить точно, так только в нерусских, взятых главным образом из древнегреческого языка, словах, — скажем, как «орѲографѲия» или в именах «Ѳеофан», «Ѳеодор». Но беда-то в том, что и у греков были обе эти буквы — «фи» и «тэта», и некоторые греческие слова и имена писались в одних случаях с «фи», в других — с «тэтой». Греки и произносили эти два звука различно, а попав в русский язык, они потеряли всякую «разницу», стали выговариваться совершенно одинаково, и, скажем, в имени «Ѳеофил» школьник никак не мог бы объяснить, почему один звук «ф» изображается как «ф», а другой, ни с того, ни с сего, как Ѳ.

Объяснений, даже таких кратких, какие я вам тут даю, с нас никто не спрашивал, а писать правильно мы были обязаны.

Соседа Фоку — надо было писать через Ф, потому что это слово-имя в греческом значило «тюлень» и писалось через «фи».

и

Неверного Оому — требовалось изображать с «фитой». Он в греческом писался с «тэтой», а во всех западных языках и сейчас пишется двумя буквами: «ТН» — ТНО-МАС...

Хотите ещё примеров старой орфографической бессмыслицы? Пожалуйста.

Было у нас целых три буквы для обозначения звука «и»: «И», «і» и «V» («и» — восьмиричное, «и» — десятиричное и «ижица»). При этом различить по слуху, какое именно «и» надо ставить в этом слове, было совершенно невозможно.

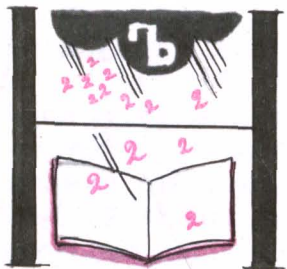
Ну, вот: вам хорошо известно, что слова «МИР» — Вселенная — и «МИР» — отсутствие войны или ссоры — звучат одинаково «как две капли воды». Мы даже «играем» их однозвучностью, когда пишем лозунги «МИРУ — МИР». Мы гордимся тем, что из всех народов именно у нас, славян, МИР — КОСМОС — и МИР — СПОКОЙСТВИЕ — названы одним и тем же словом. А вот писать их надо было по-разному. «МИР» означало только «тишина, отсутствие войны и ссоры». А «Вселенная, космос» надо было изображать так: «MIP». Почему? Да, по правде говоря, — неизвестно почему. Потому, что в беско-

нечно далёкие времена ещё не русичи, а древние славяне произносили слова эти не одинаково, а по-разному.

Древние произносили по-разному, так им было легко и писать по-разному. А за что мы, несчастные школьники, учившиеся за 70 или 60 лет до вас, должны были страдать? Неизвестно! Вот почему я всегда и сержусь немного, когда слышу ребячьи жалобы на то, как трудно **НЫНЕШНЕЕ ПРАВОПИСАНИЕ**.

Хорошенькое дело: трудное! Поучились бы вы в «наши дни», когда кроме всего того, что я тут уже сказал, надо было «это её дом» произносить почему-то «её», а писать «еЯ дом», причём ещё вздумай вы сказать: «это моя сестра, а вон там — ЕЯ дом» — над вами все стали бы издеваться: «Говорит, как будто в церковной школе учился!» Тогда зачем же заставлять так писать? А вот пойдите спросите!

ГЛАВНОЕ ЧУДОВИЩЕ

у, раз уж я заговорил с вами о трудностях старой грамматики и орфографии, не могу лишить самого себя удовольствия вспомнить про ту букву, которая соперничала с «ятем» в матче на звание «Главного чудовища». Я говорю про «твёрдый знак». А впрочем, не рассказать ли мне вам про него сказку? Расскажу.

Давным-давно, при царе Горохе, а может быть, и ещё куда раньше, жили-были два родных братца: Твёрдый Знак и Мягкий Знак.

Вначале они были парни как парни, буквы как буквы. У каждого был свой звук, который ему было приказано изображать; они эти звуки и изображали.

Но вот беда: звуки-то эти им достались не такие, как другим буквам. Букве Б достался на долю звук «б»; всякому ясно, что это за звук. Буква У получила в своё распоряжение звук «у» — ну она с ним и носится, как с писаной торбой. А Твёрдому Знаку и Мягкому Знаку выпало на долю изображать особые звуки. Учёные называ-

ют их мудрено: «звуки неполного образования», а нам достаточно сказать о них проще. Твёрдый Знак получил себе в хозяева не то «о», не то «а», что-то вроде «ы», но, может быть, и не «ы». «Не мышонка, не лягушку, а неведому зверюшку...» И Мягкому Знаку выпала доля не намного легче — изображать полу-«е», полу-«и»... Не то что-то слышится, не то и вовсе никакого звука нет!.. От этого характер у братьев начал портиться. Но так как у Мягкого Знака нрав был помягче, с ним всё-таки было не так уж сложно. Понадобится, чтобы он изображал «е», — изображает. Надо, чтобы читался он как «и», — читается. В конце концов его уволили «на пенсию», но пристроили при разных согласных чем-то вроде сторожа или поводыря. Поручили ему показывать, что тот согласный, который стоит от него слева, надо выговаривать мягко. Или в некоторых случаях помогать букве «й»: устаёт она внушать, что после мягкого согласного ту букву, что стоит СПРАВА от него, надо читать не как она всюду читается, а перед ней произносить ещё «й» (например, «разольЮ» выговаривается как «разольИУ», а не как «разолью»). Так или иначе, Мягкий Знак по своей мягкости, должно быть, нашёл себе дело, и ни у кого против него досады не накопилось.

У Твёрдого же Знака характер был твёрдый, непокорный, горделивый. Рассорился он со своими «звуками неполного образования», воспользовался тем, что они по старости лет перестали в русском языке играть важную роль, и вместо того, чтобы заняться настоящей работой, придумал себе совершенно никчёмное занятие: показывать ТВЁРДОСТЬ СОГЛАСНЫХ НА КОНЦАХ СЛОВ в тех случаях, если после них нет Мягкого Знака.

Мягкий Знак всё, бывало, говорит ему:

«Ох, неприятно ты, братец, поступаешь! Ты даже хуже ЯТЯ себя ведёшь. Об ЯТЕ там учёные спорят: а может быть, самое чуткое ухо и расслышит, какая разница во втором звуке слов «ПЕТЯ» и «ПЬТУХ», — а о тебе и спору никакого нет!»

«Как так — нет? Вот и у меня будет так же! Даже ещё лучше: чтобы знали люди — каждый согласный может быть и твёрдым и мягким. Вот, например, АЗ — это по-старинному Я, а ЯЗЬ — напротив того — самая простая

mbërgo

мякно

лампа

ляпка

сэр

сер

вои

бөй

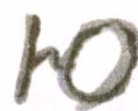
мис

мис

кыкы

брюки

рыба. Как же отличишь их, если после «З» я рядом не встану: «ЯЗЪ»?

«Ну, как это — как отличишь? — удивлялся, бывало, Мягкий Знак. — Так ведь достаточно, что МЕНЯ там нету, значит, «З» — твёрдое. А с ЯЗЪ — никак не спутаешь: тут я стою!»

«Так, а ты возьми да уйди! — рычит Твёрдый Знак. — Почему тебе такое преимущество? Или давай так: пусть где просто согласный стоит — там его мягко выговаривают людишки. А где надо твёрдо, там я тут как тут!»

Ну, Мягкий-то Знак, он, конечно, мягкий. Много спорить опасался: вон братец как хрипит да рычит. А кто его знает, может быть, и так, как ему хочется, можно? Да — от греха подальше, чтобы его настоящего дела не лишили, — и приумолкнет помаленьку: копошится по своим мелким делам, совершенными пустяками занимается, — но нужными!

А Твёрдый Знак, при своём твёрдом нраве, как вцепился лет с тысячу назад, ещё в старославянском языке, в концы слов, на которых звучало не то «о», не то «ы», так эти буквы и не отпускает. Русские люди давно уж про это самое не то «о», не то «у», не то «ы» и думать забыли и не выговаривают их, а он всё равно сзади почти за каждым третьим словом болтается. «Дом» — так он сразу и подскочит: «ДОМЪ». «Брат»? Пожалуйста: «БРАТЪ» — хотя никому и в голову не придёт это слово за «БРАТЬ», то есть «ВЗЯТЬ», принять — Мягкий Знак вежливо и тихо своё место знает: «Тут смягчить — извольте-с!»

«Ну, что же, — подумаете вы, — что же в этом такого нехорошего? Усердствует старичок, как и многие другие, честь ему и слава! Раз беды от него нет...»

Беды нет? Ого-го!

Вот я и сейчас взял в руки прекрасную детскую книгу, всем вам известную: «Робинзон Крузо».

Сначала я посмотрел, сколько в ней страниц. Оказалось — 238. Потом сосчитал, сколько строк на странице. Вышло — 32. Наконец, прикинул, сколько букв умещается в строке.

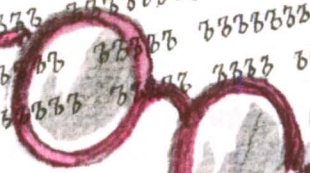
По-разному: в одной 51, в другой — 53. В среднем — по 52 буквы. Выходит по всей книге всяких «знаков»

Ն.Ն. ՆՆՆՆՆ
ՆՆՆՆՆ

ՆՆ ՆՆՆՆ ՆՆ ՆՆՆՆ ՆՆՆՆՆՆ
Ն ՆՆՆՆ ՆՆՆՆ ՆՆՆՆ;
ՆՆ ՆՆՆ Ն ՆՆՆՆ ՆՆՆՆՆՆ
ՆՆՆՆ ՆՆՆՆՆՆ ՆՆ Ն ՆՆ ՆՆ
ՆՆՆՆ ՆՆՆՆ ՆՆՆՆՆ ՆՆ,
ՆՆՆՆ ՆՆՆՆ ՆՆՆ ՆՆՆ

(букв, запятых, точек, тире, двоеточий, «восклицов» и «вопросов» и т. п.) — триста восемьдесят семь тысяч восемьсот шестнадцать. Напечатана книга в 1936 году, значит, никаких твёрдых знаков в ней и в помине нет. Отлично!

Но теперь мне приходит мысль узнать: а сколько бы оказалось в этой книге «твёрдых знаков», если бы её напечатали в 1906 или 1916 году. Я беру пять страничек на выбор и, расставив «твёрдые знаки» там, где им до революции полагалось стоять, выясняю: на каждую страничку их пришлось бы круглым счётом по 60 штук. Значит, во всей книге почти 18 000 штук (17 920)! Иначе говоря — почти пятнадцать целых страничек, заполненных ровно ничего не значащими закорючками... А ведь книги-то печатаются в сотнях тысяч штук. А ведь их — разных — выходят многие тысячи в год. Получаются миллиарды страниц, которые можно прочесть только: ЪЪЪЪЪЪЪЪ.

Да что там говорить: вы знаете конечно прелестную пушкинскую «Сказку о рыбаке и рыбке»? Так вот, милые мои, сказка эта содержит примерно 5000 знаков. Значит, за счёт одних только «твёрдых знаков», выбранных из «Робинзона», из одного тома, можно было бы напечатать трижды сказку о Золотой рыбке... Подумаешь — дрожь по спине идёт! Причём заметьте вот что: когда я читал ещё в школе эту пушкинскую сказку, я понимал её от слова до слова точно так же, как и вы её сейчас понимаете. А ведь я не поленился: взял «Сказку о рыбаке и рыбке» и проверил точно, сколько было в ней «твёрдых знаков», когда я читал её в первый раз мальчишкой. 222! Спрашивается, зачем я их читал, зачем писал, когда мне задали красивым почерком переписать её в тетрадку. Ну, добро бы я вычитал из «Рыбки» с «твёрдыми знаками» хоть чуть побольше, чем вы из ваших безтвердозначных «Рыбок». Или, наоборот, вы чего-то в ней недопоняли, что мне известно... Так ведь ничего подобного... А хлопот, крика, шума...

Подумаешь-подумаешь — и решишь: как мудро сделало наше правительство, когда уже в 1918 году, на втором году Октября, издало ДЕКРЕТ о новом правописании. Ведь вместе с «твёрдым знаком» на концах слов при этом были уволены в вечную отставку такие буквы, как ЯТЬ,

как «и» с точкой, как «ижица» и «фита». Представьте себе на минуту, каким дождём двоек посыпались бы все они в ваши дневники и тетради, если бы вдруг злой волшебник взял да и ввёл их заново в наше правописание!

А ведь при этом — могу сказать вам, что заставлять заучивать правила их расстановки нас, школьников, учителя дореволюционной школы умели на всю жизнь. Я, например, и сегодня, 58 лет спустя после того, как все эти буквы ушли «на пенсию», могу преспокойно и без ошибок писать «по-старому». Ну вот, например, хоть так: «Много разъ и на моёмъ вѣку смѣнялось наше правописание, а, тѣмъ не мѣнее, в моей памяти сохранились всѣ его разумные законы и устарѣлыЯ, никому не нужныЯ правила».

Прочитайте это внимательно, сравните с тем, как бы вы сами сейчас те же две строчки написали, и отметьте при этом, что прочесть вслух в обоих случаях вам пришлось бы «звук в звук» одно и то же. Ведь слово «разъ» вы произнесёте совершенно одинаково, будь оно написано как «разъ» или как «разъ». И в слове «вѣдь», напиши его хоть через два ятя, никто из нас не сумеет его гласный звук выговорить иначе, чем в слове «темень». И само слово «правописание» ни на йоту не изменится, если вы напишете его так, как я сейчас написал, вместо привычного нам всем «правописания».

ТАК, МОЖЕТ, ЗРЯ СТАРАЕМСЯ?

ак, может быть, мы с вами вообще пустяками занимаемся, когда учим правила письма и выговора? Говорим мы ведь каждый по-своему и друг друга понимаем; тогда давайте и писать, как говорим: всё равно ведь мы уже видели: правила правописания можно переменить, а всё остаётся в том же порядке. И хотя Пушкин писал свои стихи по совершенно другим правилам орфографии, чем это делаем мы, читал он их наверняка почти так же, как мы их сейчас с восхищением читаем.

Однако у нас с вами так ничего не получится. Вот да-
вайте я эту предыдущую фразу напишу вам так, как её
произнёс бы любой пскович, житель бывшей Псковской
области (но только настоящий старый «скобарь», а не те-
перешний псковский юноша или девушка, которые и в са-
мом центре своей Псковской области учатся в школах,
ничем не отличающихся от московских или ленинград-
ских). Фраза выглядела бы тогда так: «Аннака так в нас
с вам ницОво не палучицца!»

В то же время можно было бы найти какого-нибудь
«черепанина»* (из-под города Череповца), или вологжа-
нина, либо архангелогородца, и они то же самое предло-
жение начертали бы вот примерно как: «ОднакО так у
нас с вами ничОгО не полчитсИ».

Какое-нибудь простенькое утверждение «Я не знаю»
в одном конце Российской республики выговаривали бы
как «Я НЯ ЗНАЮ», в другом — «Я НИ ЗНАЮ» и только
в третьем — «Я НЕ ЗНАЮ». Письмо, полученное откуда-
нибудь из-под Горького, жителю Рязани пришлось бы
предварительно переписывать на свой рязанский лад и
только потом уже перечитывать гладко и со смыслом.
Так же получилось бы и наоборот, если бы писателем был
житель Рязани, а читателем — горьковчанин.

Вот почему умно и разумно принять для всей России
какое-то одно правописание. Тогда немножко отступить
от собственного областного произношения придётся и се-
верянам и южанам, и обитателям приуральского восто-
ка и тем, кто живёт на границе Российской республики
и Белоруссии; но каждому это будет легче, чем переучи-
ваться на выговор другой области. Да и опять-таки по-
пробуй уломать ярославцев или владимирцев, чтобы они
перестали говорить «на О», а пензяка или тамбовца, на-
оборот, заставить произносить слово «вОрОбей» так, что-
бы оба «О» звучали одинаково бесспорно «О». Все бы ска-
зали: «Зачем это нам? Пускай те переучиваются!»

Но сама жизнь устроила так, что мало-помалу глав-
ным из выговоров русского языка стал выговор жителей
столицы, Москвы. Над коренными москвичами соседи,

* Как то засвидетельствовано стихами А. А. Прокофьева, жи-
тели Череповца именуются черепанами.

бывало, в старину подтрунивали, передразнивали их, произнося разные «дразнилки» на «мАсковскАй манер»: «с МАсквы, с пАсАду, с кАлАшнАвА ряду», — но постепенно приучились и сами говорить похоже на москвичей.

Великая Москва в языке толь нежна,
Что А произносить за О велит она... —

писал ещё двести с лишним лет назад гениальный поморский рыбак, поэт и учёный Михайло Васильевич Ломоносов.

И многие другие особенности московского произношения, слегка смягчившись, стали считаться обязательными для всего русского языка. Приноравливаясь к ним, образовалось и общерусское правописание. Не псковское, не горьковское, не новгородское, а РУССКОЕ. Именно поэтому теперь газету, выходящую в Москве, не запинаясь читают и понимают во Владивостоке — на одном конце земли нашей, на берегу Тихого океана — и в Калининграде — у границ Польши, на Балтийском море. И на всём пространстве нашей необозримо огромной страны собираются у радиоприёмников и телевизоров десятки и сотни миллионов людей, из которых очень многие у себя дома говорят не совсем так, а то совсем не так, как в Москве; но они слушают РУССКОЕ РАДИО и смотрят РУССКИЕ ПЕРЕДАЧИ и всё понимают не задумываясь.

Когда подумаешь обо всём этом, так начинаешь считать, что, пожалуй, лучше уж не экономить мозги, а поднатужить их в школьные годы да приучиться говорить (и уж тем более писать!) на ОБЩЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ! На таком, который понимают и на котором должны уметь говорить, да и писать тоже, все те, кто хочет носить высокое звание РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА.

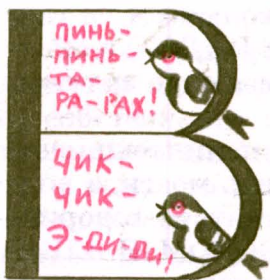
Вы не думайте, кстати, что это только у нас помимо общего русского языка существуют ещё какие-то мелкие «подъязычки», на которых говорят в разных частях страны нашей. В других странах разница между такими «язычками», или, как их называют, говорами, даже ещё во много раз большая, чем у нас.

Когда я был мальчишкой, меня учил каждое лето немецкому языку мальчик-немец, такой Генрих Клемм,

годами двумя постарше меня. Его родители были родом из Баварии, с юга Германии, а сам он учился в петербургской «общенемецкой» школе и меня учил «общенемецкому» языку. Поэтому, когда я приходил к нему зимою в гости, получалось забавно. Его папа и мама любили меня, они заговаривали со мной по-немецки, но на баварский лад.

Я не понимал ни слова. Генрих переводил их слова с немецко-баварского языка на «обыкновенный немецкий», и я легко и просто отвечал им на этом же «обыкновенном немецком» языке. Но теперь уже ничего не понимали старики Клеммы. Опять за дело брался Генрих и переводил то, что я сказал по-немецки, на их немецко-баварский язык. Самое смешное было то, что, если бы к этим старикам пришёл в гости не русский мальчик, а какой-нибудь чистокровный немец из северных областей Германии, могло бы получиться так, что его не понял бы и Генрих; и эти трое немцев так и не смогли бы договориться.

БУКВЫ И ЗВУКИ С ДРУГОЙ СТОРОНЫ

от я всё беседую с вами о звуках да буквах, и вы делаете вид, что великолепно меня понимаете. А так ли это на самом деле? Хорошо ли нам известно, о *каких* звуках у нас идёт речь?

Действительно: что такое ЗВУК? Я взял охотничье ружьё, прицелился в мишень и нажал спусковой крючок. Что получилось? Звук? Ого! Да ещё какой громкий! А как вам кажется: можно его изобразить на бумаге какой-нибудь одной буквой? Ну, скажем, «а»? Или «у»? А может быть, «в» или «ш»?

Вспомните свои старые детские игры, разные присказки и песенки, которыми вы тешились в ясельном и дошкольном возрасте. Вы разбивались на враждебные партии «наших» и «врагов». Вы выскакивали из-за деревьев и домов, выкрикивая: «Буммм!», «Ба-бах!», «Та-та-та!», — и вам казалось, что эти звуки похожи на выстре-

лы или разрывы снарядов и мин. Или на пулемётные очереди. Но вспомните их теперь, когда при вас кто-нибудь выстрелит из настоящего ружья. Ну то есть ничуть не похоже ни на «Бумм!», ни на «Бац!»

А такое слышали:

Вдруг охотник выбегает,
Прямо в зайчика стреляет:
«Пиф-паф!»

Ой-ой-ой!
Удирает зайчик мой!

Уж как хотите, но двойное междометие «пиф-паф» ни в самой малой мере не напоминает звук выстрела... При этом заметьте, что, когда стреляет ружьё, оно издаёт ОДИН звук. Очень громкий, но — ОДИН. А здесь перед нами во всех случаях в языке эти звуки (выстрелов) передаются не какой-либо одной буквой, а двумя («пу!»), тремя («бац!»), четырьмя («трах!») и даже шестью («пиф-паф!»). Спрашивается: что же это значит? Ведь до сих пор мы, вроде бы, считали, что по большей части каждому ЗВУКУ (одному) соответствует своя БУКВА, и обыкновенно тоже одна.

Так, может быть, мы теперь заговорили о «не тех» звуках?

Представьте себе — совершенно верно!

Звуки, о которых мы сейчас повели речь, можно было бы назвать (по-моему, их пока что никто и никак не называл специально) «природными» или «естественными». Ведь не обязательно они производятся человеком; да и то — гром выстрела создаёт не человек, а взрыв пороха, который человек только «пускает в ход».

Вот недавно в газетах рассказывалось о падении огромной лавины где-то в горах Средней Азии. И было сказано: «Всё было тихо. Потом неожиданно раздался непередаваемый рёв, гул и грохот...» Эти «природные звуки» издавала катящаяся с горных склонов колоссальная гряда снега и камней.

Или вот сейчас я открыл окно, и до меня донёсся милый-премилый звук: синица — «зинзивер», «кузнецик», — пригревшись на весеннем солнышке, «пинькала» как-то так: «Пинь-пинь-та-ра-рах!»

Так и я вам передаю издаваемый ею звук, да и все

русские птицелюбы согласны со мной. И они его передают точно так же. Один русский поэт, Велемир Хлебников, написал так:

Пинь-пинь — тарарахнул зензивер...

«Зензиверами» зовут как раз «больших синиц», или «кузнечиков». Но вот я беру в руки стихотворения одного американского поэта и философа прошлого века — Эмерсона — и у него читаю про ту же синицу:

Как вешний привет раздаётся
Повсюду: «Чик-чик-э-ди-ди!»

Вот как синичий писк слышат люди за океаном, хотя сами тамошние синицы распевают точь-в-точь как наши. Значит...

Пенье синицы — тоже природный, естественный звук. Мы с вами не можем изобразить его нашими БУКВАМИ, хотя оно, конечно, состоит из самых настоящих звуков. Но только из «не таких». «Не таких» звуков неисповедимое множество. Шелест веток в лесу. Плеск воды. Звон падающих с концов вёсел капель. То звучное «плюхх», которое можно услышать, когда вы уроните камень в глубокий колодец. Это — с одной стороны.

Но вот на эстраду поднимается скрипач и, прижав подбородком к плечу свой красивый инструмент, проводит по нему смычком. Вы опять слышите ЗВУК — чистый, приятный. Хоть песню с него начинай! А какой БУКВОЙ его выразить — этого вы опять-таки никогда не скажете. Почему? В чём разница между теми звуками, которым соответствуют наши БУКВЫ, и теми, которые — сами по себе, ДИКИЕ звуки?

Приведу ещё один пример. Мы идём с вами по лесу: гуляем. Вдали раздаётся чудесное весеннее кукованье всем известной птицы. Слышите: «Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку!»

Мы стали и заслушались: какие милые, родные, пахнущие маем месяцем звуки. Ну, а теперь скажите: вы понимаете, что они значат?

— Нет! — зашумели вы. — Да и как же можно понять что-либо, когда всё время «на одной волне» слышишь только один или два звука?!

Но погодите, послушайте ещё... В другой стороне леса раздаётся несколько раз подряд человеческий голос: «А-у! Ау! Ау!»

Звуков и на этот раз немного — два, если говорить точно: «а» и «у». Но чудо в том, что на этот раз *вы прекрасно понимаете*, что хочет своим криком выразить тот далёкий от нас, невидимый нам, неведомый человек. Он зовёт кого-то. Он подаёт кому-то сигнал: «Я здесь!» Может быть, он спрашивает: «Я-то тут, а вот вы — где? Откликнитесь!» То есть если вы крикнете «Ау!», все поймут это примерно так. Все очень удивятся, если вы вдруг за обеденным столом или в классе на уроке вытаращите глаза и закричите: «А-у-у!»

Совсем другое дело, если ваше «Ау!» раздастся в глуши леса, перед грозой, между еловых и берёзовых стволов. Тогда ваши спутники будут не удивляться, а озабоченно спрашивать у вас: «Что случилось? Кого ты зовёшь?» Если же вы выкрикните ваше «Ау!» не рядом с ними, а поодаль, они начнут усердно отвечать вам и будут кричать до тех пор, пока не услышат от вас ответного возгласа. Звуки «А-у», произнесённые человеком, **ИМЕЮТ ЗНАЧЕНИЕ**. Мы издаём их, чтобы кого-то оповестить о себе самом, чтобы узнать о том, где он находится, сообщить, где находимся мы сами. Этим смыслом, значением они отличаются от всех других звуков.

Мы встретились с тремя разными видами звуков.

С простыми, «дикими» — естественными звуками:

То по кровле обветшало
Вдруг соломой ЗАШУМИТ,
То, как путник запоздалый,
К нам в окошко ЗАСТУЧИТ.

Затем — с другими звуками, которые издают разные «рукотворные» инструменты:

То флейты свист, то нежный зов гобоя...
То скрипка слышится, а то — виолончель...

И те и другие могут быть нам то приятны, то неприятны, могут вызвать в наших душах самые разнообразные чувства — радость, тоску, лёгкую грусть, недоумение, страх. Точно так же мы порой с удовольствием слушаем трели скворца или зяблика или с раздражением —

назойливое карканье вороны. Но мы никогда не ищем и не надеемся отыскать в них никакого СМЫСЛА. «Собака лает — ветер носит», — говорит поговорка. Кто её знает, что обозначает это «гав-гав-гав»? Может быть: «Уйди прочь, чужак!», а может быть: «Я нашла ёжика! Вот ёжик, ёжик!» Понять-то это хороший знаток поймёт, но только по тону лая. Друг друга же люди понимают по смыслу слов.

Звуки человеческой речи — звуки совершенно особенные. Они не просто звучат. Каждый из них ещё несёт в себе частицу смысла, значения. Если их приложить один к другому, как детские кубики, то из обрывочных клочков изображения сложится человеческая речь. Русская, она будет понятна русскому человеку, но останется тайной, точно бы шифром, для француза или индейца. Патагонская, она будет совершенно ясной для жителей Патагонии, на самом юге Америки, но мы с вами, сколько бы ни слушали её, не поймём ничего.

«Ахти-матушки! — сердито восклицала моя няня, услышав, как разговаривают друг с другом женщины-финки, во множестве жившие тогда на Выборгской стороне Петербурга, — ну что у них за язык такой? Та-та-та, ла-ла-ла! А что та-та-та? — и непонятно! Вот уж у нас, по-русски, каждый поймёт: говорю — «свинья», ну так она *свинья* и есть — уж *собакой* её не назовёшь!»

Необразованные люди, как правило, рассуждают так.

Возьмите книжку великого американского писателя Марка Твена «Гекльберри Финн» и найдите в ней место, где, плывя по Миссисипи на плоту, негр Джим рассказывает Гекльберри о том, чем совершенно никому, кроме странных людей-французов, непонятный французский язык отличается от самого обыкновенного, человеческого, английского языка. Джим недоумевает: почему бы этим французам не заговорить по-английски, как все люди говорят?

Интересно вот что: если вы знаете какую-нибудь красивую песню — ну, хоть «Подмосковные вечера», — вы можете научить её правильно насвистывать или наигрывать на каком-нибудь инструменте (или даже напевать без слов: «А-а-а-а, а-а-а-а-а!») и негра, и индейца, и японца, и самоанца. И они будут слушать эту прелестную

мелодию и улыбаться от восхищения. Но о ЧЕМ ПОЁТСЯ В ПЕСНЕ, — не узнает ни один из них, пока её СЛОВА не будут переведены на японский или самоанский язык. И тогда — вполне возможно — самоанец или негр удивятся: «Ах, вот, оказывается, это о чём? А мне казалось, что тут поётся про утро в саваннах... А мне — про штилевой океан в нашей родной бухте...»

Иногда говорят: «Музыка — это язык, понятный всему человечеству!» Это и правда и неправда. Красивый, печальный, весёлый напев может вызвать у многих людей чувства грусти, радости. Но узнать, что именно огорчало или радовало сочинителя напева, ни один из людей не сможет.

Сочетание музыкальных звуков (их ещё называют «тонами») может вызвать слёзы на глазах слушателя, может заставить его сердце замереть или забиться быстрее. Но вот передать при их помощи даже самое простое сообщение никак нельзя. Музыкой нельзя сказать: «вчера был дождь» или «пойдём на речку». Величайший композитор мира Людвиг ван Бетховен как-то набросал одному знакомому, который подвёл его, гневную записку, состоявшую из нескольких «нот». Но Бетховен прекрасно понимал, что, даже проиграв написанные сердитые ноты на клавишинах или скрипке, неаккуратный друг не поймёт, что они значат, хотя, вероятно, почувствует, что его великий приятель раздражён и недоволен. Но — чем? И музыкант из музыкантов Бетховен прибавил к своей выразительной нотной строчке всё в ней разъясняющие пять слов: «Где одеяла? Где, где, где?» Слова наверняка объяснили тому, кому записка была адресована, на что рассердился Бетховен. Думается, они показали также, что рассердился он не так уж сильно: всё это было явной шуткой. Но важно то, что даже Бетховену, чтобы передать кому-то очень простую мысль, простой вопрос, музыкальных звуков оказалось мало, понадобились звуки совершенно другого характера — звуки членораздельной человеческой речи. Те самые звуки, из которых состоят наши с вами СЛОВА.

Так прямо и состоят? Приложи несколько звуков друг к другу, и получится сразу слово?

Не совсем так. Может быть, вам приходилось видеть,

как теперь строят дома? Раньше когда-то их складывали из отдельных кирпичей — сотни, тысячи кирпичиков рядами, и вырастала стена... Теперь на стройку с завода привозят на тяжёлых грузовиках целые бетонные блоки, иногда часть будущей квартиры или лестницы, а порой даже и целую маленькую квартирку. Именно эти составные части, а не крошки кирпичи и «складывают» в наше время друг с другом — получается дом.

Ну, вы, конечно, сами понимаете, что построенный ДОМ не очень-то похож на СЛОВО (и слово — на дом). И всё-таки, пожалуй, можно приравнять составляющие его слова-звуки к кирпичикам, из которых когда-то складывали дома; но хочу обратить внимание вот на что: из кирпичей-звуков не складываются вдруг сами слова; из них складываются особые *части слов*.

Надо заметить, что отделять слово от слова мы учаемся уже в младенческом возрасте. Малыш в ползунках, едва научившийся переступать ногами, уже прекрасно понимает, что «мама» — это слово, а «папа» — другое слово. Он скажет «МАМА... ПАПА!», а не «МАМПАПА!».

То, что слова состоят из звуков, маленькому человеку заметить не так-то просто, и понятно почему: когда мы говорим, звуки сливаются друг с другом, как бы плавно переходят один в другой. Вот то же самое «АУ!»: вы уверены, что это два звука, идущих друг за другом, а не один сложный звук.

«Гм, гм... А разве существуют сложные звуки?» — спросите вы.

Ну, а как же? Мы с вами уже упоминали о том, что русское «Ц» можно разделить на «Т + С», Ц = ТС, только слившиеся в ОДИН ЗВУК. Так почему не предположить, что Я (ИА) точно так же есть единый звук, слившийся из двух: согласного и гласного. Вот когда мы начинаем учиться ПИСАТЬ — тут уж волей-неволей при письме нам приходится делить слова на БУКВЫ, а раз это произошло, мы начинаем связывать каждую БУКВУ с её ЗВУКОМ и понимать, что и в устной речи слова можно и должно уметь разделять на составляющие их ЗВУКИ. И надо сказать, почти для каждого из нас это бывает — в школьном, первоклассном возрасте (а у тех, кто научил-

ся читать до школы, и ещё раньше) — некоторой неожиданностью: «Вот те на! Всегда думал, что НЕБО — это и есть просто «небо», а оказывается, оно состоит из четырёх звуков: НЕБО?!»

Но одновременно с умением делить слово на звуки (или, при письме, на буквы) мы замечаем, что оно делится и на другие, более крупные «блоки», как ваш современный бетонный дом.

Вы слышали такую школьную «считалку»:

Ехал Владик тёмным лесом
За каким-то ин-тересом...
Ин-те, ин-те, ин-те-рес,
Уходи с дороги в лес...

Ну вот, вы отлично понимаете, что «ехал», «Владик», «лесом», «за», «интересом» — это слова. Не хуже того вы сумеете разглядеть в этом смешном четверостишии и буквы (или расслышать ЗВУКИ): «е» — «х» — «а» — «л» и так далее.

Но разве вы не замечаете, что кроме как на звуки слова как будто распадаются в стихотворении, на слух, и на какие-то более крупные куски:

Е-хал Вла-дик тём-ным ле-сом...

Особенно это ясно в третьей, забавно придуманной строчке:

Ин-те, ин-те, ин-те-рес...

Что такое все эти куски слов: «хал», «е», «ка», «ким», «ин», «те» и так далее? Такие части слов, у каждой из которых уже не остаётся ровно никакого «смысла». Что значит «хал»? Что означает «тём»? Никакого существенного значения. Непонятно: зачем они нужны?

Так, может быть, они на самом деле и не существуют? Может быть, это — вымышленные части? Ну, скажем, у дерева есть ствол и ветви, суки и сучки. Это его естественные части, его органы. Но вот дерево спилили, и оно пошло на деревообделочную фабрику. И тут его делят уже на совершенно другие части — на стружку, щепки, опилки, древесину, баланцы и разные другие куски бывшего дерева, совсем не способные ни расти, ни цвести,

ни зеленеть весной. Так что же — может быть, и эти наши части слов — что-то вроде кусков из детской игрушки мозаики?

Нет, это не так. Куски эти не случайны. И это очень легко увидеть, как раз читая стихи — от самых простеньких, детских, до самых «взрослых» и прославленных. Когда вы читаете стихи, строчки стихотворений невольно разделяются голосом на отрезки, и эти отрезки состоят не из СЛОВ и не из отдельных звуков, а из тех самых «частей слов», о которых мы только что говорили, — из слогов или из их сочетаний:

Вот ля-гуш-ка по до-рож-ке
Ска-чет, вы-тя-нув-ши нож-ки...

или:

По-пры-гунь-я стре-ко-за...

Из разрубленных на поленья стволов дерева ничего не вырастет, кроме огня да дыма, а из расчленённых на слоги слов волшебники речи — поэты — выращивают великолепные стихи.

А ещё чем замечательны эти «обрубки»-слоги?

Вот какое у них есть интересное свойство. В каждом слоге должен быть непременно **ОДИН** гласный звук. Согласных может быть два, три. Слово **СТРЕМ-ГЛАВ** делится на два слога: в первом из них 4 согласных, во втором — 3. А гласных — по одному.

Слово **ВЗДРОГ-НУЛ** тоже состоит из двух слогов. В первом — **ВЗДРОГ** — пять согласных, причём тут все они столпились перед гласным, и только один гласный, пятый — «О». Таких, как второй слог — **НУЛ**, — пожалуй, всего больше. Два согласных по сторонам, гласный в середине: «пож», «боль», «нам», «ный» — в одной только предыдущей фразе.

Всмотритесь и вслушайтесь в эти странные созвучия. Большинство из них просто ничего не значат, совершенно лишены всякого смысла. Некоторые, правда, могут как вылитые походить на настоящие самостоятельные слова: «нам» — на местоимение «нам» («нам это понятно»), «боль» — на существительное «боль». Но каждому ясно, конечно, что в слове «**СЛЮ-НАМ**» совсем не то

«НАМ», что во фразе «Нам весело». Здесь это целое слово; там — кусок слова. Тут оно отвечает на вопрос «кому?» — «нам», а там оно ни на какой вопрос не отвечает. На вопрос там отвечает только целое слово — «СЛОНАМ».

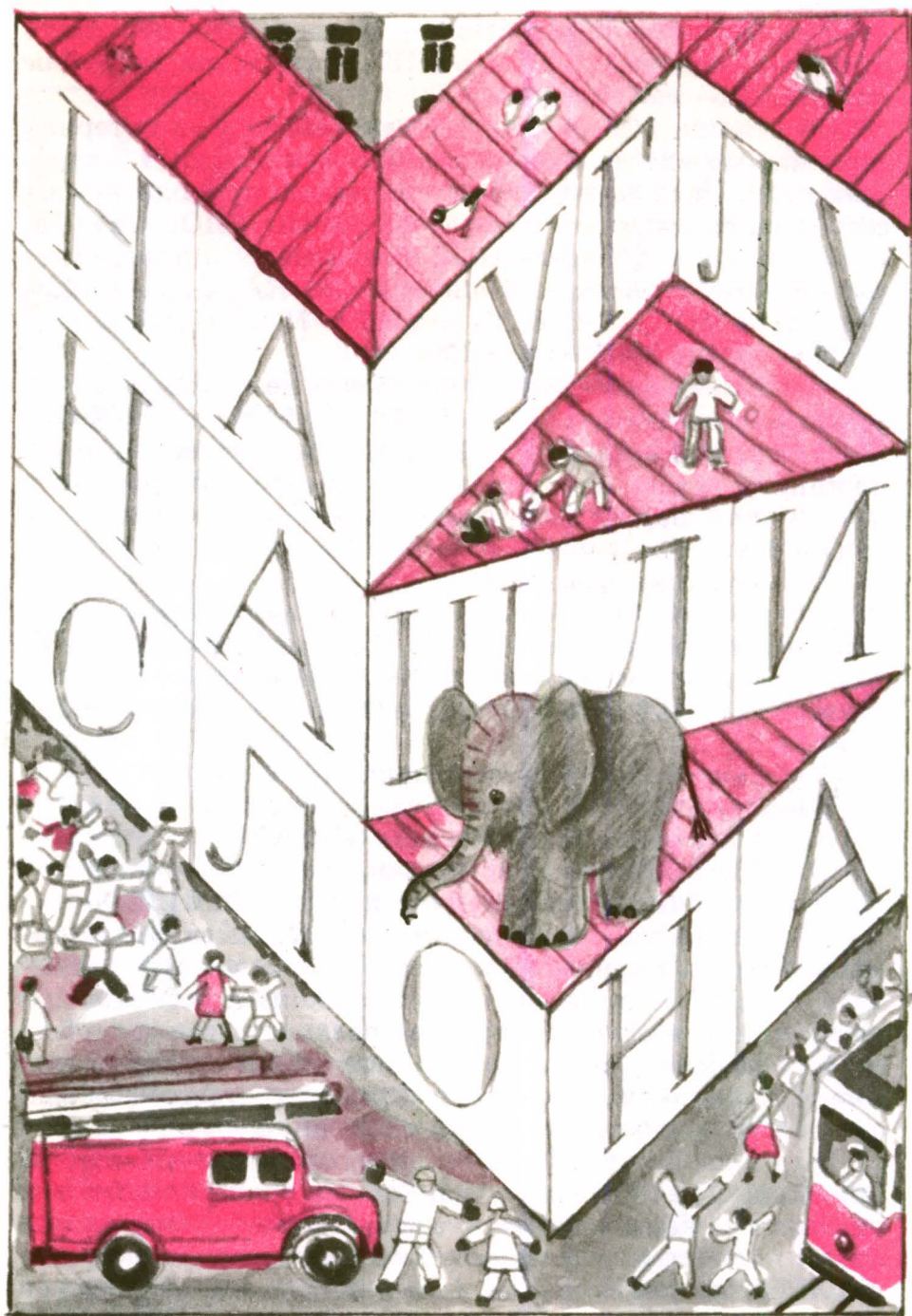
Ах, вот как? Так тогда зачем было и заговаривать здесь о каких-то обломках слов, даже не имеющих никакого значения? Какая НАМ нужда в них? А вот, оказывается, нужда-то есть, и даже немалая, и не только поэтическая, а и простая, своя. Школьная! Учебная!

Вот вы пишете, пишете — и дописали строчку почти до её конца. Но ведь, как ни старайся, не рассчитаешь, чтобы в каждой строчке непременно укладывалось определённое число слов, ну, хотя бы 9 или 11. Постоянно получается, что в строчку можно уложить 9 с половиной или 10 и две трети слова. Вот я просчитал сейчас строки с начала этой страницы и до сих пор. Просчитайте и вы. У меня вышло — из 17 строк 6 кончаются на половинках слов.

Как же ПЕРЕНОСИТЬ слова со строки на строку? Каким образом «разбивать» их на части?

Существует правило — и, пожалуй, оно самое удобное: «Слова переносятся с одной строки на другую ПО СЛОГАМ».

Вообще-то это — проще любого другого способа. Слово ДЕРЕВНЯ можно разделить на слоги так — ДЕ-РЕ-ВНЯ — и так — ДЕ-РЕВ-НЯ. Никак нельзя делить его вот так: Д-ЕРЕВНЯ или ДЕРЕВН-Я. А вот так — ДЕРЕВ-НЯ — и так — ДЕ-РЕВНЯ — пожалуйста, делите и переносите. То есть пусть на каждой строчке останется не по одному, а по два или три слога, только бы не резать слог по живому, только бы помнить, что каждый слог обязательно состоит из одного ударного ГЛАСНОГО и чаще всего одного-двух-трёх согласных. Впрочем, чтобы образовать слог, довольно бывает порою и ОДНОГО ГЛАСНОГО без СОГЛАСНЫХ. Вот слово: ОЗЕРО. Его можно делить на слоги так: О-ЗЕ-РО, ОЗ-ЕР-О, ОЗЕ-РО. Разделить-то так можно, а ПЕРЕНЕСТИ «О» НЕЛЬЗЯ: одиночная буква никогда НЕ ПЕРЕНОСИТСЯ! Ни-ког-да! Не режутся пополам и сами слоги. Так, к примеру, слово МАЛЬЧИК нельзя перенести так: МАЛ-ЬЧИК; первый

слог в слове этом будет МАЛЬ-. Нельзя даже допустить и такого переноса: МА-ЛЬЧИК; и здесь мы разрубим слог МАЛЬ- на два куска.

Но в наши с вами дни всё-таки слоги уже потеряли свою былую власть и значение. Так как я учился в хороших столичных школах, мне самому не приходилось на себе испытывать, что такое «чтение ПО СЛОГАМ». Но множество моих деревенских (да немало и городских) сверстников учились ещё читать так: КА-А-КА—КАК, ЭМ-О-Й—МОЙ, ЭС-А-ДЭ—САД—И-КА—ИК—СА-ДИК—«КАК МОЙ САДИК!»

А ещё лет сорок—пятьдесят назад дело выглядело и совсем мудрено: «КАКО-АЗ-КАК—КАК, МЫСЛЕТЕ-ОН-«й» с краткой—МОЙ—«КАК МОЙ!» Нужно было бы поставить тут не один, а два или три восклицательных знака—так радовались школьники, одолевшие эту абракадабру.

А откуда она взялась?

В старославянской азбуке, из которой потом получилась и наша, русская, азбука, буквам были даны каждой своё имя: оно только начинаться должно было непременно с этой самой буквы, а смысл—никого не интересовал.

А—называлось АЗ, что значило «Я».

Б—звали БУКИ; это означало «буква».

В—именовали ВЕДИ, то есть «ЗНАЙ».

Г—ГЛАГОЛЬ, или, по-русски, «ГОВОРИ».

Д—ДОБРО, то есть, иначе говоря, «ХОРОШО».

Тогдашние учителя думали, что так, имея дело с вымышленными именами букв, ученикам легче будет отличать их друг от дружки: помогает же нам, ребятам, при поступлении в школу научиться различать между собою своих новых товарищей то, что мы узнаём: одного из них зовут Виталиком, другого—Юркой, третьего—Борей, а вот этих девчурок—Таней и Мариной.

Выдумка была неудачной: хитроумные названия не помогали, а запутывали учеников; но прошло много лет, прежде чем наша грамматика и наши учебники русского языка полностью освободились от всякого чтения по слогам. Мы читаем буквы и прямо соединяем их в целые слова. Очень хорошо, не правда ли?

ГУЛЛИВЕРЫ И ЛИЛИПУТЫ

еликий русский писатель А. П. Чехов был весёлым человеком. Одно из писем своим дачным хозяевам Киселёвым он закончил так: «Барину-блиноеду, прекрасной Василисе и любезнейшему Котофею Котофеичу низайший поклон и пожелание отличного аппетита».

Такими смешными именами-прозвищами Антон Павлович называл Алексея Сергеевича Киселёва — любителя покушать, его дочку Сашу и сына Серёжу, школьника, который любил, чтобы его кормили с уговорами.

Вы ничего особенного не заметили в этих строчках? Наверное — ничего, потому что давно к этой странности привыкли.

Ну, а всё-таки — почему в этих строчках из письма **НЕ ВСЕ БУКВЫ ОДНОЙ ВЕЛИЧИНЫ?** В них ровно **СТО** букв обыкновенных, маленьких, лилипутов, и 4 буквы-гулливера: **Б, В** и два **К**. Точно четыре десятиклассника в толпе первоклашек...

На первый взгляд может показаться, что всем этим управляет чистейшая случайность. В самом деле, слова в письме — самые разные, а между тем почему-то слово, отвечающее на вопрос «какой?» — «низайший», — напечатано с маленькой или «строчной» буквы, а слова «Василиса» и «Котофеичу» — с прописных, больших букв. Может быть, дело в том, что эти слова отвечают на вопросы «кто?» и «что?» Нет!

Имена существительные — те слова, что отвечают на вопросы «что?» или «кто?», — всюду начинаются с букв-малышек: «блиноед», «поклон», «аппетит», — а вот «Барин» и «Котофей» почему-то удостоены «большебуквия». Может, это и впрямь дело случая?

Подумайте — и вы поймёте, что это не случайно. Некоторые слова, отвечающие на вопрос «кто?» и «что?» — «аппетит», «поклон», «блиноед», — это простые названия предметов или существ. А **ВАСИЛИСА, КОТОФЕЙ** и **КОТОФЕИЧ** — не названия, а «имена» людей.

Разница довольно простая: одно дело — у вас в классе «ученики» и «ученицы» и совсем другое — «у нас восемь Александров, четыре Валеры, десять Олечек, три Аллы, два Сергея, три Татьяны, один Кирилл, а один даже Митрофан». «Валера», «Сашка» или «Александр» (или «Света», «Гена», «Митроша») — это все *имена* собственные. Можно сказать: «Там шалит какой-то мальчишка!» — и вопрос будет исчерпан. А вот утверждение: «Это стекло Геннадий разбил» — вызовет сейчас же вопрос «который Геннадий» или «какой Геннадий». Вопросы не будет, если только по случайности у вас на всю школу попался один-единственный Генка. Совсем уж странно услышать: «Да там какая-то Светочка в классики играет». Если она «какая-то», то откуда вам известно, что она Светочка, а не Аллочка. Про Светочку нельзя сказать «какая-то», будто бы все Светочки отличаются от всех Раечек тем, что у них косы длиннее или стрижка более «современная». Это только собачек на улице принято иной раз подзывать безразлично каким «собственным» именем: «Бобик, Бобик!» или «Шарик, Шарик!», — да и то только тогда, когда настоящее имя не известно, а вы надеетесь случайно попасть на него.

Однако и собаки отлично различают свои имена: если она Леди, она на кличку Жучка не подумает и голову повернуть.

Так вот: в русской грамматике установлено *правило*: СОБСТВЕННЫЕ ИМЕНА ЛЮДЕЙ, ЖИВОТНЫХ, ГОР, ГОРОДОВ, ОЗЕР, РЕК, ЗВЕЗД, МОРЕЙ, ПЛАНЕТ начинать с больших букв, причём такими именами считаются и ОТЧЕСТВА, ФАМИЛИИ И ПРОЗВИЩА. Почему так повелось, и какой в этом смысл? Честно говоря — не могу вам прямо ответить.

Думаю, что так начали делать, чтобы выразить почтение к людям, о которых ПИШУТ, в глубокой старине главным образом о князьях, королях, императорах, божествах, а потом, постепенно, и о любимых людях. При этом НА ПИСЬМЕ-то разница между «Лев» и «лев» бросается в глаза, но в устной речи между именами и названиями «царя зверей» никакой разницы услышать невозможно. Голосом «величину буквы» никак не выразишь.

«Тише, тише! — скажете вы мне, взглянув ещё раз на чеховские строки. — Что ж, выходит, что и слово «Барин» — тоже имя собственное?»

А вот и нет! Вы отлично знаете: **ПРОПИСНЫЕ БУКВЫ ВСЕГДА СТАВЯТСЯ ПОСЛЕ ТОЧЕК.** «Утром я встал. Подошёл к окну. На дворе — солнце, даже глазам больно!» Ставятся они в самом начале письменной речи, где никаких точек перед этим не было. Принято (правда, теперь не все так делают) начинать с больших букв каждую строчку стихов:

Бом-бом,
Тили-бом!
Загорелся
Кошкин дом!

«Так, так! — скажете вы. — Имена собственные! Имена! Так что же: значит, и слово «Бом-бом», и «Тили-бом», и «Загорелся», и «Кошкин» — все тоже ИМЕНА? Все они отвечают на вопросы «кто?» и «что?»

А вот нет! Эти слова напечатаны тут с «прописных» или «заглавных» букв по совершенно другой причине: **ПРИНЯТО** в стихах каждую строчку начинать с **БОЛЬШОЙ БУКВЫ**. Что, тоже для выражения почтения? Смешно и говорить: просто потому, что когда-то какому-то поэту (а может быть, «переписчику», а возможно, работнику типографии, в которой печатали книгу стихов) показалось, что начатые с прописных букв короткие строки стихов будут выглядеть красивее. Возьмите, перелистайте томик каких-нибудь стихов, а то и просто сядьте и перепишите «Кот и лодыри» С. Я. Маршака дважды: один с прописными, другой — с простыми буквами в начале строк. И, сравнив, решите — как лучше? Может быть, тот, кто начал писать так, был и на самом деле прав? Но, скажу по секрету, — покопавшись в библиотеках, можно разыскать целые сборники стихов, напечатанные без соблюдения этого правила. И, грешным делом, когда читаешь такой сборник, то на первых десяти — одиннадцати страницах чувствуешь какую-то неловкость — ну, вроде как тебе тротуар для ходьбы по улице вместо камня вдруг вымостили пружинами или, наоборот, липким пластырем, — а потом привыкаешь и совсем

перестаёшь обращать внимание на эту особенность. Да ведь и на самом-то деле, что

Птичка божия не знает
Ни заботы, ни труда, —

что

птичка божия не знает
ни заботы, ни труда, —

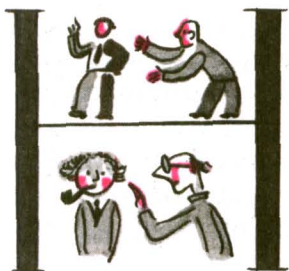
вы прочтёте звук в звук и тон в тон одинаково.

Вы отлично знаете, что, кроме всего этого, ПРОПИСНЫЕ буквы положено ставить также и после точек, в начале новых предложений.

Ну, в началах предложений они, пожалуй, приносят наибольшую пользу, помогая с налёта, без запинки, отделять одно из них от другого и выразительно читать рассказ или статью. Надо отметить, что в этих случаях Прописные Буквы появились в письме далеко не сразу. Очень долго в древних рукописях одно предложение от другого вообще никак не отделялось — ни точкой, ни размером буквы, просто ничем. И конечно, когда точки и БОЛЬШИЕ БУКВЫ были введены, это оказалось важным завоеванием. Читать сразу стало намного проще и легче!

Но очень часто (вот и в именах собственных и в началах стихотворных строк) прямой пользы от РАЗМЕРА БУКВ не обнаружишь. И надо сказать, можно найти языки и письменности, где они ни в том, ни в другом случае не применяются. А рядом (ну, скажем, в немецком языке) с давних пор возникло обыкновение отмечать заглавной буквой КАЖДОЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ.

СПОРЫ ГРАМОТЕЕВ

е удивительно, когда грамотные спорят с неграмотными и наоборот. Интереснее, когда вдруг разойдутся по вопросу о том, как надо писать или говорить, настоящие грамотеи. А разве так случается?

Почему же нет? Главная причина этому — то, что русский язык (да и

каждый язык в мире) всё время меняется. Это странно, но это так. Если бы вы взяли какую-нибудь книгу времён царя Петра Первого и попробовали бы прочитать её, вы бы ничего не поняли. А ведь наши предки и при Петре говорили и писали по-русски. Приведу в пример того, каким был этот русский язык, одну задачку из тогдашнего школьного учебника по арифметике (то есть математике), написанного Леонтием Магницким.

«Некий человек продаде коня за 156 рублёв, рассказывая же купец, нача отдавати продавцу, глаголя: яко несть мне лепо взяти с сичевого коня недостойного таковыя высокия цены». В дальнейшем «продавец» предложил «купцу», то есть покупателю, сосчитав, сколько у коня в подковах гвоздей, купить только эти гвозди, а коня получить в придачу к ним. Условие при этом было такое: за первый гвоздь платить полушку (четверть копейки), за второй — две полушки, за третий — копейку. Гвоздей в каждой подкове было по шести штук, и «купец, видя столь малую цену и коня хотя себе в дар взяти обещаая тако цену ему платити, чая не больше 10 рублёв за гвозди дати. И ведательно есть: коликим купец он проторговался?» И ответ: «... придет 41178703 и 3/4 копейки — то есть 411 с лишком тысяч рублей».

Вот и судите сами — похож ли этот русский язык на наш с вами русский. А если бы я взял не Петровские времена, а времена Ярослава Киевского, когда писался сборник законов Киевского княжества — «Русская Правда»? Там бы и вовсе ничего не поняли. А язык-то и тогда был наш, русский!

Теперь сделаем прыжок поближе к нашему времени, ко дням Н. В. Гоголя.

Гоголь владел нашим языком как величайший его знаток и искусник. И вот что написал он в первых строках своей неоконченной повести «Страшная рука».

«Было далеко за полночь. Один фонарь только озарял капризно улицу и бросал какой-то страшный блеск на каменные ДОМЫ...» И в другом отрывке, через несколько строк: «Одни только белые каменные ДОМЫ кое-где вызначивались...» Разве мы сейчас говорим во множественном числе от ДОМ — домЫ? Нет, мы все говорим — дома.

Во дни моего детства встречались ещё люди, которые врачей во множественном числе называли «дóкторы» и считали произношение «докторА» неправильным и «простонародным». Сейчас слово «дóкторы» можно услышать, разве только когда говорится о таком учёном звании: «докторЫ математических наук». Медиков же мы все называем «докторА».

Но вот совсем не так. Возьмите слово «столяр». Оно во множественном числе как при Гоголе, лет 190 назад, так и сегодня выговаривается только СТОЛЯРЫ, и никто — ни грамотей, ни недоучка — не произнесёт: «наши умелые столярА». Но бывает и так: все всё ещё придерживаются старинки, *а сами те люди*, о которых идёт речь или которые работают инструментами, *говоря о которых мы сомневаемся*, как нам произносить: «Ы» или «А» (или «И» или «А»), давно уже заменили бывшее «Ы» современным «А». Мы с вами говорим (и так пишут и в книгах, так учат в школах) ШТУРМАНЫ, когда разговор заходит о водителях кораблей, а сами они себя называют ШТУРМАНА.

На нынешних больших заводах работают сложные и мощные машины, каждую из которых и я, и вы, и любой гражданин назовёт ШТАМП, — ими «штампуют» из металла или других материалов различные поделки. В словарях вы найдёте указание, что от ШТАМП множественное число будет ШТАМПЫ. А в заводских цехах над вами, пожалуй, посмеются и скажут: «Ну что вы! Штампы — это в канцеляриях резиновыми штемпелями на документах ставят. А у нас тут — ШТАМПА». Кто в таких случаях прав, кто неправ?

Это можно сказать, только когда мы рассуждаем о каких-то определённых словах, и в каждом случае «правильность» будет своя.

Буквально никто в наше время не говорит и не может сказать ДОМЫ вместо ДОМА. Почти не осталось людей, которые произносят «дóкторы» и «профёссоры», — почти все теперь говорят «докторá» и «профессорá».

Есть множество слов, которые или по-разному произносятся в книжной, учёной речи, или имеют разные произношения потому, что у них не одно, а два значения.

Люди постарше и очень следящие за правильностью

своей речи говорят о железнодорожных «кондукторах» (а в обычной, разговорной речи мы уже стали звать их «кондукторами»): «КондукторА». Но вот в речи машиностроителей встречается другое слово — «кондуктор» — так называется в некоторых станках приспособление, направляющее резец к детали, которую обрабатывают. Так вот уж от этого «кондуктора» рабочие не образуют множественное число на «А»; скажут «кондукторЫ».

В чём же тут дело? В том, что в языке нашем происходит медленное, неторопливое изменение. Все большее число слов, которые раньше во множественном числе оканчивались на «Ы» или «И», начинают теперь получать окончание «А», а иногда «Я». То, что так происходит, не зависит ни от кого в отдельности — ни от учеников, ни от учителей, ни от грамотных людей, ни от неграмотных. Так меняется САМ язык. А если в языке что-нибудь переменилось и установилось по-новому, тут уж остановить это изменение и вернуть всё к старому просто невозможно.

Заметьте, что я, как и раньше, говоря о языке, думаю тут *об устном языке*. В письменном языке — это я уже вам показывал — возможны довольно резкие произвольные изменения: они происходят обычно по указанию учёных людей и государственной власти и по большей части касаются правописания. Лишь изредка затрагивают они и грамматику. Всё, что совершается в языке УСТНОМ, происходит с торжественной медлительностью, десятилетиями и веками. Сравнительно быстро исчезают старые, появляются новые слова; гораздо медленнее меняется произношение отдельных звуков. Так, например, в дореволюционные времена москвичи выговаривали такие слова, как «конечно» или «скучно», так: «канешна», «скушна». Петербуржцы произносили звук «ч», а не «ш» — среди нескольких москвичей петербуржец резко выделялся. И наоборот.

С тех пор прошло каких-нибудь 50 — 60 лет, а теперь уже и в Москве только старики продолжают говорить «канеШна» и «скуШна». А многие поэты помоложе спокойно ставят в рифмы слова «конеЧно» и «беспеЧно» или «скуЧно» и «звуЧно».

Я сказал — пятьдесят лет. Но уже ровно 150 лет назад Пушкин писал:

По дороге зимней, скучной
Тройка борзая бежит.
Колокольчик однозвучный
Утомительно гремит...

Правда, Пушкин был в равной степени и жителем Москвы и жителем Петербурга; но посмотрите, как давно уже началось постепенное изменение выговора звука «ч», его замена на звук «ш». А ведь и по сей день она ещё отнюдь не закончилась.

Ну что же? Может быть, в таком случае вообще стоит махнуть рукой на изменчивые, гибкие ПРАВИЛА и опираться, пользуясь языком, только на его почти НЕЗЫБЛЕМЫЕ ЗАКОНЫ.

Так, может быть, можно было бы поступить, если бы наша страна была совсем маленькой страной, меньше Бельгии или Дании. Тогда можно представить себе, что на всём пространстве такой страны-крошки воцарился бы ОДИН-ЕДИНСТВЕННЫЙ КНИЖНЫЙ ЯЗЫК, и жители юга говорили и писали бы, конечно, точно так же, как жители севера, запада и востока. А в такой гигантской стране, как Россия, в стране, прожившей более чем тысячелетнюю и очень бурную историю, — в такой стране почти в каждой её области (а их больше пятидесяти) русские люди говорят НЕ ТАК, как в области соседней. Если бы я вздумал переписать предыдущую мою фразу согласно с произношением моих ровесников и земляков, старых псковичей, я написал бы:

«У такой страны пачки у каждой яе оболости русски люди говорят НЯ ТАК как в оболости сусенный».

Поломав голову, вы верней всего разобрали бы смысл этих строк. Но тут вам прислал ту же фразу вологжанин, написанную совсем по-другому, потом рязанец — по-третьему... А потом они стали бы пересылать какое-нибудь важное известие эстафетой, как при игре в испорченный телефон... Подумайте сами, что получилось бы после пятой или седьмой пересылки и переписывания!

Так уж лучше немного помучиться в школе и овладеть давно выработанными общерусскими правилами письма и быть заранее уверенным, что если одна те-

леграмма послана из Калининграда на Камчатку, а другая — из Мурманска в Сочи, то во всех самых удалённых пунктах нашей Родины все прочтут и поймут их совершенно одинаково.

ПОЧЕМУ ИХ ТАК ЗОВУТ-ВЕЛИЧАЮТ?

ы хорошо знаем: если бы у каждого слова была одна только форма — та, в которой мы можем обнаружить его в словарях, — ну, скажем, для существительных та, которая отвечает на вопросы «кто?», «что?», — плохо бы нам пришлось. Скажем, я хочу сказать, что сегодня не брат рассердился на дядю, а дядя — на брата.

Мне пришлось бы выкручиваться так: «Рассердиться! Нет, НЕ БРАТ ДЯДЯ, А ДЯДЯ БРАТ». Легко ли было бы вам понимать, кто кого разгневал? И не означает ли моя фраза, что кто-то рассердился на дядю за то, что он не дядя чьему-то брату?

Ну, мы уже знаем, чтобы соединять слова в предложения, у них есть разные «стыковочные узлы», как у космических кораблей и станций.

Самые первые по их месту в школьных программах, пожалуй, ПАДЕЖИ. Они — вы не забыли? — бывают у «кто-что-слов», у «какой-какая-слов», у «я-ты-он-слов» и ещё у некоторых других.

Этот вид стыковочных узлов называется странно: ПАДЕЖАМИ. Всех падежей у нас шесть, но, прежде всего, — почему их так называли: ПАДЕЖИ? Кто куда и для чего падает? Вот я сказал сперва: «СЛОН», а потом «СЛОН-А». Ничто никуда не «падало», а перед нами два ПАДЕЖА. Странно?

Да, это — древнейшая история!

Жили на свете древние греки. Они любили на досуге играть в «кости». Их «кости» были не такие, как у наших любителей «козла», — не плиточками, а в виде кубиков, на сторонах которых были либо «очки» от 1 до 6, либо же по одной букве на косточке. Такими костями игра-

ли или «гадали»: и в том и в другом случае их «бросали» из рожка, и они «падали» или «выпадали». Каждое такое выпадение по-гречески звалось «птозис»: на старорусский язык слово это перевели как «падеж».

Греческим грамматикам казалось, что слова, которые мы говорим, меняют свои формы так же случайно, как косточки меняют числа, «выпадающие» при каждом «птозисе». По этому «сходству» они и меняющиеся формы имен называли «птозисами», а сотни лет спустя наши русские грамматисты перенесли это обозначение в виде слова «падеж» и к нам. Наверное, можно было бы придумать для падежей какое-нибудь более точное, более «уклюжее» название. Однако, как видите, слово ПАДЕЖ прижилось; значит, оно оказалось нашему языку по н р а в у. Теперь поговорим о том, как и почему получили свои названия каждый из них, из шести братьев — русских падежей.

ИМЕНИТЕЛЬНЫЙ

Это — тот, стоя в котором имя отвечает на вопрос «кто? что? ...» Очень часто мы употребляем его, когда хотим назвать кого-нибудь по ИМЕНИ:

Все в том острове богаты:
Изоб нет, везде палаты,
А сидит в нём князь ГВИДОН.

Или:

Видит: весь сияя в злате,
Царь САЛТАН сидит в палате...

Или:

«Как ваше имя?»
Смотрит он
И отвечает: «АГАФОН!...»

Во всех трёх случаях именительным падежом обозначено как раз ИМЯ человека, он ПОИМЕНОВАН. Правда, в том же «кто-что-падеже» стоят и другие «кто-что-слова»: князь, царь, палаты. Но ведь «кто-что-слова» по сути дела — тоже имена существ и предметов, только не собственные, не личные. Значит, и в этих случаях именительный падеж — подходящее название.

РОДИТЕЛЬНЫЙ

Помните весёлую и увлекательную книжку писателя Л. Лагина «Старик Хоттабыч»?

Произошло чудо из чудес: школьник Волька Костыльков открыл старую бутылку и выпустил из неё на свет восточного духа, джинна, который был там волшебным заключён... Обрадованный джинн, отсидев в бутылке много веков, представился своему спасителю. «Гассан-Абдуррахман ибн-Хоттаб», — назвал он себя. Вежливый Волька, протянув ему руку дощечкой, сказал: «Волька!» Но этого джинну показалось мало. «А имя счастливого отца твоего?» — почтительно осведомился он и, узнав, что Волькиного папу зовут Алёша, стал самого Вольку звать «Волька ибн-Алёша». Быстрый разумом Волька сейчас же понял, что словечко «ибн» означает «сын» и что «Волька ибн-Алёша» значит «Волька — сын Алёши», а «ибн-Хоттаб» надо понимать как «сын Хоттаба», или, проще говоря, «Хоттабыч». Говоря слова «родительный падеж», мы часто недоумеваем: при чём тут «рождение»? Кто кого и когда родил?

Но вот видите: «сын — кого? — Алёши» — ведь это значит «рождённый Алёшей», не так ли?

Во многих языках повелось считать, что не родители принадлежат детям, а, наоборот, сыновья принадлежат отцам и матерям. Надо сказать, в этом есть некоторый смысл: у папы-космонавта есть сын-третьеклассник, так ведь, пожалуй, у сына больше поводов гордиться папой, чем у папы — сыном. Пока что, во всяком случае!

В грамматике это выражается так, что имя рождённого ставится в именительном, а имя РОДИТЕЛЯ — в РОДИТЕЛЬНОМ падеже. По-видимому, именно отсюда и пошло название этого «кого-чего-падежа»: РОДИТЕЛЬНЫЙ.

Правда, как всегда бывает в языке, скоро он стал обозначать кроме родственных отношений и многое другое. «Хобот — кого? — слона». Почему тут «родительный падеж»? Ведь слон не порождает свой хобот!

В прямом смысле — нет. Но хобот есть что-то, что как будто отделяется от самого слона, что принадлежит слону. И поэтому давно, очень давно, во всех случаях,

когда о чём-нибудь говорилось как о части большого целого («ветка — чего? — дерева», «залив Балтийского — чего? — моря, «синева — чего? — небесного свода»), наши предки стали применять РОДИТЕЛЬНЫЙ падеж. Ну, что ж, пожалуй, у нас нет больших оснований возражать против такого названия. Даже сказав: «Дай мне кусочек — чего? — сахара», — мы можем подумать, что «кусочек» — вроде как сынишка большого, огромного ВСЕГО САХАРА — такого, как в фильме «Синяя птица»... Значит, и тут есть причина употребить родительный падеж.

ДОБРЫЙ ПАДЕЖ. ДАТЕЛЬНЫЙ

Я думаю, как только вы научились связывать первые пять-десять слов, вы уже умели, умильно глядя на маму или бабушку, ныть: «Мам, дай (кому?) МНЕ конфетку!» Маленькие, маленькие, а вы не ошиблись, не сказали: «Дай МЕНЯ конфетку!» или «Дай МНОЙ конфетку!». Вы совершенно правильно употребили нужный при глаголе «давать» ДАТЕЛЬНЫЙ падеж, отвечающий на вопрос «кому, чему?» И вам отвечали тем же: «Ну, дай же ты (кому?) Машеньке свою куклу поиграть», — тоже применяя тот же дательный падеж.

Видимо, первоначально падеж этот и употреблялся как раз в таких случаях; я говорю так потому, что уже в глубочайшей древности — у греков и римлян — его название тоже означало «падеж давания» — «*δότικε πτό-зис*» или «*ка́зус ДАТИВУС*». Конечно, это не случайно. А потом... Потом и его значение расширилось, его стали применять в совершенно не связанных ни с «дарами», ни со «взятием даров» случаях.

Теперь, когда вы стонете: «МНЕ больно», — вы употребляете тот же «дательный падеж», но очень трудно уже поручиться, казалось ли когда-то людям, что «боль человеку кто-то «дает», или вопрос «кому?» появился здесь по совершенно другим причинам. «И тебе (кому?) не стыдно?», «Мне (кому?) грустно потому, что весело (кому?) тебе» — вот два разных случая. Нигде никто никому ничего не ДАЁТ, а вопрос «кому?», вопрос ДАТЕЛЬНОГО падежа, всё-таки возникает.

Но можно уверенно сказать: как только появляются

глаголы «дать», «дарить», «посылать», «передавать», — дательный падеж тут как тут. Приходится признать, что **ДАТЕЛЬНЫЙ** — хорошо придуманное название!

ЧТО НАПИСАНО (ЧЕМ!), НЕ ВЫРУБИШЬ (ЧЕМ!)

Я заменил слова неопределёнными вопросами, но вы, уверен, сообразили, что на месте вопросов этих должны по-настоящему быть поставлены названия каких-нибудь инструментов, орудий, чего-то такого, чем работают, «творят» (то есть «делают») что-нибудь.

В разные времена и у разных народов падеж этот носил различные имена. Называли его «относительным» падежом (в Древнем Риме), называли «инструментальным». Некоторое время у нас пользовались придуманным специально словом «орудный», то есть выражающий орудие действия, — это почти точный перевод латинского «инструменталис».

Действительно, часто, очень часто, падеж, отвечающий на вопрос «чем?», сообщает нам о том инструменте, которым что-нибудь делают, «творят»...

Сказал, как **ТОПОРОМ** отрубил (чем?).

Дружба такая, что **ТОПОРОМ** не разрубишь (чем?).

Не столь намолотил, сколь **ЦЕПОМ** по току наколотил (чем?).

Один с **СОШКОЙ**, семеро — с **ЛОЖКОЙ** (с чем?).

Мыло да сыр не **НОЖОМ** режут — **ВЕРЕВКОЙ** (чем?).

Так говорят пословицы. Всюду те существительные, которые напечатаны прописными буквами, обозначают какие-нибудь орудия и, отвечая на вопрос «чем?», стоят в творительном падеже.

Но уже очень давно падеж этот получил множество других поручений в нашем языке. Грамматисты говорят, что им обозначается: а) предмет, с которым что-либо сравнивается (ласточкой летает), б) предмет, на который может быть направлено действие (над ним просвистела стрела). Мы с вами знаем, что разные значения появляются всегда. И всё-таки указать то, чем работают, творят, остаётся самым типичным занятием **ТВОРИТЕЛЬНОГО** падежа.

«Осень надоедает **ДОЖДЯМИ**» — никакого «орудия»

нет, а падеж творительный. «Вот — ЛЕТОМ, — то ли дело!» — выражается время, а вопрос тот же — «чем?». Но ведь мы не собирались перечислять здесь все возможные значения творительного падежа. Нас интересовало происхождение его названия. Мы это узнали.

ПАДЕЖ НА КОСТЫЛЯХ

Это я так назвал ПРЕДЛОЖНЫЙ ПАДЕЖ.

За что?

Кроме разве одного лишь именительного, все падежи могут появляться с разными предлогами. Вот — родительный. Я говорю: «Это портрет (кого?) Владимира». Но можно ведь сказать: «Этот портрет у меня ОТ ВЛАДИМИРА» — и тоже будет «от кого?» — родительный падеж.

Теперь — дательный. Мы говорим: «Пойдём (к кому) ко мне». Тут местоимение «мне» стоит с предлогом «к». Но ничуть не реже мы встречаем этот падеж и без всяких предлогов: «Принеси-ка (кому?) МНЕ теннисный мяч».

Таким образом, можно вообразить себе падежи в виде молодых франтов, которые спокойно ходят без всяких палок или тростей, но от времени до времени берут в руку — для франтовства — какую-нибудь изящную тросточку.

Однако есть такой падеж, которого никогда нельзя застать без прочного КОСТЫЛЯ-ПРЕДЛОГА. Их у него несколько, на выбор. Он отвечает на вопросы: «при ком, чём; на ком, чём; в ком, чём; о ком, чём?» Без таких предложных подпорок он существовать не может и именно поэтому и сам называется ПРЕДЛОЖНЫМ.

Вот вам примеры:

При всём при том, при всём при том,
При всём при том, при этом...

(С. Я. Маршак)

Здесь подряд задорно отплясывают СЕМЬ ПРЕДЛОЖНЫХ ПАДЕЖЕЙ, отвечающих на вопрос «ПРИ ЧЁМ?». НА КОМ, НА ЧЁМ?

Пожалуйста, вот вам Пушкин:

Долгу ночь НА (чём?) ветке дремлет...

ПО КОМ, ПО ЧЕМ?

А что тебе другой подарочек...
Трои медвежата ПО ПЯТИ РУБЛЕВ.

О КОМ, О ЧЕМ?

«Песнь (о ком?) о ВЕЩЕМ ОЛЕГЕ»

Никогда и нигде этот особенный падеж не рискует появиться без своих костылей. Что он — такой уж бессиленный старик?

Если хотите, то можно сказать и так. Но дело в том, что в мире существует немало таких языков, у которых **ВСЕ ПАДЕЖИ ПРЕДЛОЖНЫЕ**.

Возьмём в виде примеров два таких языка: французский и болгарский, очень похожий на русский.

В этих языках имена существительные для того, чтобы от одного падежа перейти к другому, не меняют своих окончаний. Но каждый раз они сменяют предлоги, стоящие перед ними, и именно по предлогам этим и узнаётся, что перед вами за падеж.

Ну, скажем, по-французски «дом» будет «ла мэзон» (кто, что?), «домой» прозвучит «а ла мэзон» (к кому, к чему?), «от дома» — «дё ла мэзон» (от кого, от чего?). «Дверь дома» по-французски прозвучит «ля порт дё ля мэзон». «Ля порт» (что?) — именительный падеж — «дверь», «дё» — предлог, означающий «от». Всё выражение обозначает, если переводить слово за словом, «дверь от дома».

Приблизительно так же поступает с падежами и болгарский язык.

«Отец» по-болгарски будет «баща», а «я послал посылку своему отцу» надо перевести: «изпратих една пратка на баща си».

С самым существительным «баща» не произошло решительно ничего, а на вопрос «кому?» его заставляет ответить предлог «на».

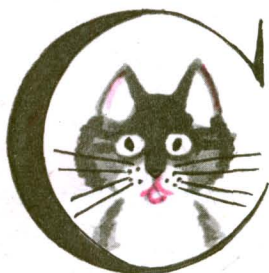
Учёные-языковеды утверждают, что в болгарском и французском языках некогда имена «склонялись» так же, меняя окончания, как их теперь меняет русский язык. Затем большинство падежей и в большинстве случаев потеряло эту способность. Их падежи, как один, СТАЛИ

ПРЕДЛОЖНЫМИ, только с различными предлогами и значениями.

Впрочем, бывает так, что один и тот же предлог, присоединяясь к существительному, придаёт ему значения не одного, а разных падежей. Только что мы видели: болгарское «на» как бы отвечало на вопрос «кому?» — «отцу». Но если вы скажете болгарину: «Куца **НА БАЩА МИ**», — он поймёт это так: «Вот дом (кого?) отца моего». То же «на» придало существительному уже значение родительного падежа. Говорят, что в будущем — через много времени — и русский язык утратит окончания падежей, заменив их предлогами... Мы станем говорить: «Послал письмо **НА ОТЕЦ МОЙ**» или «Получил телеграмму от **МАТЬ МОЯ**». Ну, что ж? Поживём — увидим. Может быть, так!

Теперь мне осталось рассказать вам про шестой падеж, который носит странное имя «**ВИНИТЕЛЬНОГО**». Но, пожалуй, вместо этого расскажу-ка я вам сказку.

СКАЗКА О ТОМ, КАК КОТ С ПЛОТОМ ПОСПОРИЛИ

идел на берегу реки **КОТ**. Серый, здоровенный, с пушистым хвостом, усы, как у турка, — красивый. А по реке плыл **ПЛОТ**. Пустой, старый, но — вредный до крайности.

И, проплывая мимо **КОТА**, возговорил **ПЛОТ** человеческим голосом:

— **КОТ**, а кот! Ты — живой или нет?

— Ну, живой, — лениво промурлыкал **КОТ**, даже не разжмуривая глаз.

— А чем ты мне это можешь доказать? — ядовито проплескал **ПЛОТ**.

— Я двигаюсь, а ты — нет! — приоткрыл **КОТ** один глаз.

— Я плыву, а ты сидишь на месте! — захихикал **ПЛОТ**, правым передним углом незаметно зацепляясь за стебли кувшинок.

— Какой противный! Точно собака! — сердито забил КОТ хвостом. — Захочу — и перестану сохранять свою солидную неподвижность. Буду шевелиться, мордочку стану умывать...

— Чудило! — презрительно бросил ПЛОТ, почувствовав, что прочно пришвартовался к кувшинкам. — А я вздумаю — и начну сохранять солидную неподвижность. И я, ВЕЛИКИЙ ПЛОТ, утверждаю: весьма возможно, что ПЛОТЫ живые, а КОТЫ — неодоушевлённые. Ты — вещь, КОТ; а я, ПЛОТ, — существо!

Но тут вся лень соскочила с Кота. Этот Кот принадлежал одному премудрому школяру и, когда тот делал уроки, сидел под настольной лампой и усваивал всё, что школяру было задано.

— А вот я тебя сейчас и опровергну! — взмякнул он самым свирепым котиным голосом, от которого все мыши на сто метров вокруг бледнеют и начинают призывать Великую Мышь на помощь. — Я тебе не просто докажу, что я — живой; я тебе это ГРАММАТИЧЕСКИ ТОЧНО докажу.

— Ну, докажи, докажи, докажи! — ехидно заверещал, заскрипел ПЛОТ. — Что ты мне докажешь, несчастный, если ты даже к воде и сунуться-то боишься, а я по лону вод плыву не хуже самого многотонного корабля! Что докажешь? Что ты — мужского рода? Эка невидаль: и я тоже мужского. Что у тебя КОТЯТА бывают? Так возле меня тоже маленькие ПЛОТИКИ иной раз плавают...

— Нет, не так! — важно, точно профессор, промурлыкал КОТ. — Я тебя сейчас ВИНИТЕЛЬНЫМ ПАДЕЖОМ убью.

— Попробуй, попробуй, попробуй!

— Ну-с, слушай и отвечай. Каков твой ИМЕНИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ?

— ПЛОТ. А твой: КОТ!

— Конечно. Мой родительный: кого, чего? — КОТ-А!

— Мой: кого, чего? — ПЛОТ-А! И дательный у нас одинаков: КОТ-У и ПЛОТ-У.

— Ха-ха, — осклабился КОТ. — А вот Винительный-то? Кого, что? — как он у тебя будет?

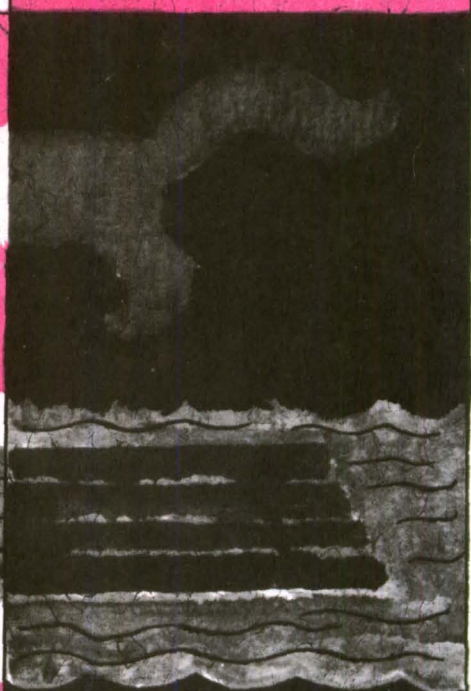
— Естественно как: «Я вижу — что? — ПЛОТ».

ВИЖУ

НЕ ВИЖУ

ВИНЮ

— Ха-ха-ха! А у меня: «Ты видишь — кого? — КОТ-А! Не КОТ, а КОТ-А! Потому, что я не ЧТО, а КТО. Значит, я — существо, а ты — предмет. Плавающая вещешка! У тебя небось даже и желудка-то нет... И когтей! И хвоста!

КОТ надулся, как мог, отвернулся, подрыгал в сторону ПЛОТА задней лапой, выражая презрение, и неторопливо пошёл ловить мышей. А ПЛОТ подхватила волна, отцепила от берега, понесла и разбила о камни. Потому что у него — не тот **ВИНИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ**.

Теперь, может быть, вам интересно: почему же этот падеж **ВИНИТЕЛЬНЫЙ**? Он кого-нибудь в чём-нибудь обвиняет, или, наоборот, сам он перед другими виноват?

Знаете что? Этот вопрос — трудный и сложный. То, что падеж получил имя **ВИНИТЕЛЬНОГО**, зависит от того, что его в древнелатинском языке уже звали «аккузативом» — «обвиняющим». А там его так называли **ПО ОШИБКЕ**. Переводили древнегреческое название — и перевели неточно. Но мы этим заниматься уже не будем. Запомним просто, что у **ВИНИТЕЛЬНОГО** падежа не один вопрос, а два: для живых существ — «кого?», для предметов — «что?» Причём особенно чваниться ему перед другими падежами не следует. Вопросов-то два — да оба чужие. «Что?» — взят на прокат у **ИМЕНИТЕЛЬНОГО** падежа, а «кого?» — у **РОДИТЕЛЬНОГО**...

А для нас с вами от этого получается лишняя морока.

Вот, допустим, слово, и вы не знаете, что оно в точности означает: живое существо или просто вещь? Бывает и такое положение.

Ну, например: вы смотрите в микроскоп и видите — кого? — микроба или — что? — микроб. Конечно, грамматика бессильна помочь вам разобраться в этом вопросе, если вы слабы в науке о животных. Зоолог сказал бы вам, что «микроб» хотя и очень мал, страшно мал, невообразимо мал, он всё-таки — зверюшка, как и гиппопотам или носорог. Однако же не каждую минуту у вас под рукой есть зоолог, с которым можно посоветоваться. Поэтому лучше никогда не произносить слов, про которые вы не всё знаете.

Но, с другой стороны, — вот вам и прямая польза от

причуд **ВИНИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА**. Ежели вы читаете и натываетесь на такие слова: «Море выбросило на берег гигантского кальмара», — будьте вполне уверены, что «кальмар» — это живое существо, и простительно, если, потупив глаза, вы пробормочете: «Бедненький». Но было бы крайне неосмотрительно тяжело вздыхать: «О, несчастный!» — услышав фразу: «Вчера мы видели разлетевшийся на мелкие осколки метеорит». Каждому должно быть ясно, что раз здесь можно было бы поставить вопрос: «Что мы видели?» — то на куски разлетелся не какой-нибудь морской или сухопутный зверь, а нечто неживое, какая-то вещь.

И верно: **МЕТЕОРИТ** — небесный камень, осколок взорвавшегося высоко над землёй метеора — небольшого небесного тела. Жалей его, не жалей — толку мало!

Ну-с, теперь ещё совсем немного: последняя главка.

ГЛАСНЫЕ-БУФЕРА

рисмотритесь к трамваям. Они нередко ходят «поездами» по два вагона вместе. Конечно, большая часть их бегаёт одновагонно, но бывают и сцепки.

Что находится в таких сцепках между вагонами? Буфера! Без них двухвагонные «поезда» были бы очень неповоротливы: в одну сторону

должен был бы толкать поезд задний вагон, в другую — передний, а водителю приходилось бы бегать туда-сюда, как белке в колесе.

Теперь — не о трамваях. Возвращаемся к языку и словам. Слова тоже чаще всего «бегают» по нашей речи в одиночку: «белка», «буфера», «вагон». Однако нередко случается и по-иному.

Живёт-живёт в мире планета Земля. Живёт в языке и слово «земля». Всё тихо, спокойно. Но внезапно, среди ночи в том или ином месте — грохот, тяжкие удары снизу в полы, в стены зданий, в основания гор... Дома шатаются, рушатся, вспыхивают пожары, кричат раненые,

глухо стонут засыпанные обломками зданий люди...
Что случилось? Произошло ЗЕМЛ-е-ТЯСЕНИЕ.

Чтобы описать, как землетрясение происходит и что собой в действительности представляет, — нужно множество книг, тысячи наблюдений, усилия бесчисленных учёных. Чтобы описать то, что случилось, словами, достаточно взять два простых русских слова, ЗЕМЛЯ и ТЯСЕНИЕ (то есть тряска), и сцепить их между собою при помощи БУФЕРНОЙ, соединительной СЦЕПКИ — гласного звука.

Разные языки употребляют различные способы скрепления двух или трёх простых слов в одно СЛОЖНОЕ, двухвагонное.

Немцы, например, обходятся без всяких буферов. Они как бы намагничивают концы одних слов и начала других, и, если их столкнуть вместе, они соединяются в третье более длинное слово, сложное. Иногда даже им приходится откинуть самый конец первого из двух простых слов, чтобы они плотнее прилипли друг к другу.

Земля по-немецки ЭРДЭ, ТЯСКА, ДРОЖЬ — БЕБЕН.
ЗЕМЛЕТЯСЕНИЕ — ЭРД(Э)БЕБЕН.

Примерно так же обстоит дело и в Англии.
ЗЕМЛЯ — ЕРС; ТЯСКА — КУЭИК.

ЗЕМЛЕТЯСЕНИЕ — ЕРСКУЭИК.

По-болгарски ЗЕМЛЯ — ЗЕМЯ, трясение — ТРОС (что-то вроде «трос» или «трус»). ЗЕМЛЕТЯСЕНИЕ — ЗЕМ-Е-ТРОС.

Правда, бывают языки, которые поступают проще: вовсе не образуют никаких сложных слов, а обходятся двумя рядом стоящими простыми.

Так, по-французски — ЗЕМЛЯ — ТЕРР, ТЯСКА, ДРОЖЬ — ТРАМБЛЬМАН, а ЗЕМЛЕТЯСЕНИЕ — ТРАМБЛЬМАН де ТЕРР — то есть, просто говоря, «трясение земли».

Так поступают и поляки: у них ЗЕМЛЯ — ЗЕМЯ, ТЯСКА — ТРЕНСЕНИЕ, а ЗЕМЛЕТЯСЕНИЕ будет без всяких хитростей — ТРЕНСЕНИЕ ЗЕМИ. Словом, каждый язык устраивается по-своему. Русскому же языку необходимы гласные-буфера: или Е, как в ЗЕМЛ-Е-ТЯСЕНИИ, или же О, как, положим, в словах ДРОВ-О-СЕК, САМ-О-ВАР, ПЕР-О-ЧИСТКА и т. п. Ну, что же, от того,

что в нашем языке принят такой обычай, тому, кто говорит по-русски, ни холодно, ни горячо. Никто из нас никогда не выговорит ни ДРОВ-Е-СЕК, ни ЗЕМЛ-О-ТЯСЕНИЕ. А почему, собственно говоря?

Довольно просто почему. Сравните слова:

ЗЕМЛЯ	ДРОВА
ПОЛЕ	ЛЕС
СИНИЙ	КРАСНЫЙ

Почему в первом столбце соединительный гласный «Е», а во втором — «О»?

ЗЕМЛ-Е-МЕР	ДРОВ-О-КОЛ
ПОЛ-Е-ВОД	ЛЕС-О-ВОД
СИН-Е-ЗЕЛЁНЫЙ	КРАСН-О-СИНИЙ

В словах правого столбца последний звук корня — ТВЁРДЫЙ согласный, в словах левого он МЯГКОК. После твёрдого согласного ПОЧТИ ВСЕГДА идёт соединительный «буфер» О, после мягкого — Е. Вот когда дело от произношения переходит к писанию таких слов, тут и русский школьник может впасть в затруднение.

Нет, что вы! Ему никогда не придёт в голову написать ни «КОРАБЛ-О-СТРОЕНИЕ», ни «ЖЕЛЕЗН-Е-ДОРОЖНЫЙ». Но многие зачешут тупым концом шариковых ручек в затылках, сомневаясь: как надо писать «КОРАБЛ-Е» или «КОРАБЛИ-СТРОЕНИЕ»? «САМО-ОБСЛУЖИВАНИЕ» или «САМ-А-ОБСЛУЖИВАНИЕ»? А может быть, даже САМ-А-АБСЛУЖИВ-О-НИЕ? Или «ЗЕМЛ-И-ДЕЛИЕ»...

Вот тут уж я закачаю головой. Во-первых, мы опять вернулись к нашим добрым старикам «КАЗЛИКАМ и АСЛИКАМ». А во-вторых, здесь-то дело обстоит гораздо легче. Тут не нужно искать никаких «родственных слов», нет смысла и пытаться так изменить сомнительное слово, чтобы ударение упало как раз на «соединительный звук».

Во-первых, на этот звук оно НИКОГДА НЕ ПАДАЕТ: нет слов «парОвоз», «белОручка», «змеЕед». А во-вторых — раз навсегда известно: у нас соединительными гласными могут быть ТОЛЬКО «О» и «Е». Ни «А»,

ни «И» между двумя словами-вагонами не попадают. Так что тут и гадать нечего: ведь «О» с «Е» не смешашь.

Значит — только «О», никогда не «А»?! Но вот я беру конверт, у которого по краям идут такие радужные полоски — красненькие и синенькие. Он предназначен для писем, которые полетят на самолёте. На таких конвертах обычно наверху стоит странное слово «АВИА», а если вы пороетесь в словарях, то встретите там и более полный его вариант: АВИАПОЧТА.

Почему «АВИА», а не АВИ-О? Не берусь вам объяснить. Исключение! А вернее — просто первая ласточка нового типа русских сложных слов, которые теперь, в послереволюционное время, стали во множестве появляться у нас не реже, чем в немецком или английском языке.

Если у нас есть слова «ЖИЛЬЁ» и «КОНТОРА», то до революции, пришлось бы нам образовать из них сложное слово, мы наверняка вставили бы между ними соединительный, «буферный», гласный. Сказали бы «ЖИЛЬЁКОНТОРА» или «ЖИЛОКОНТОРА». А теперь мы просто приставляем друг к другу два корня, две основы, точно у них концы смазаны клеем БФ-3, и они прочно присоединяются друг к другу.

Недавно одной шестилетней девочке подарили куклу в коробке. Девочка умела читать и с некоторым страхом открыла коробку. «Ах, так это же кукла! — с удивлением сказала она. — А я уж испугалась: на коробке-то написано «ПРОМИГРУШКА» какая-то!»

Лет 70 назад такого слова никто не смог бы придумать. Любую самую «промышленную игрушку» в крайнем случае назвали бы «пром-О-игрушкой». Нового вида сложносокращённые слова вроде ДЕТСАД, ДОМКОМ, ПРОМТОВАРЫ, ДЕТДОМ всё время мелькают в нашей речи. Мы без долгих размышлений берём какую-нибудь начальную часть слова, иногда даже его первую букву, и присоединяем к ней без всяких буферных гласных начало второго слова: ДЕТ(ский) САД(ик) — ДЕТСАД — или ГОР(одской) О (тдел) Н (ародного) О (бразования) — ГОРОНО. Написано СКА, и мы произносим ЭС-КА-А, и сразу же понимаем, что речь идёт о хоккейной команде «С(портивный) К (луб) А (рмии)».

Вот таким образом возникли и наименования наподобие АВИА (ционная) почта, АВИА (ционный) транспорт, АВИА (ционная) промышленность.

Плохой способ? Да нет, ничем не хуже старого способа. Вот только надо признать, что когда такие сложносокращённые слова образуются без нужной меры, то они получаются столь диковинными, что их на тощий желудок даже и не выговоришь. Ну-ка, запомните и разгадайте такие названия фирм из телефонного справочника по Ленинграду, как:

**ЛЕНГИПРОТЯЖМАШ,
МОНУМЕНТСКУЛЬПТОРГ,
ЛЕНОБЛГОРОВОЦТОРГОВЬЕДИНЕНИЕ.**

Да что там «запомните»! Попробуйте без запинки выговаривать их!

Хорошо! Мы подошли к концу, и я думаю, что теперь-то уж вам ясно, что такое «соединительные гласные», зачем они нам нужны и чем удобны. Ведь всё-таки сегодня мы с большей лёгкостью и удобством пользуемся такими словами, как ЭЛЕКТР-о-ВОЗ или САМ-о-ЛЁТ, чем такими, как МОНТАЖЛЕГМАШ или РОСОРГСБЫТ-НАЛАДКА. А ведь вы их можете прочесть на вывесках у дверей некоторых учреждений. Хорошо ещё, что они не пробрались до сих пор к нам в домашний быт. А то — «ПАПМАМДЕТОБЕДКОМНАТА». Хорошо? Или: «КНИГТЕТРАКАРАНДАШШАРИКРУЧШКАФЧИК». Как удобно было бы разговаривать!

ЭТМОЙКНИГКОНЕЦ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Козлик и Ослик	3
Тили — теле	12
Стихи сочиняете?	22
Такие, сякие и этакие	30
Но тогда — странность....	32
Вот, кстати....	38
Прятки, жмурки, маскарады...	44
Трудно и легко	58
Главное чудовище	65
Так, может, зря стараемся?	71
Буквы и звуки с другой стороны	74
Гулливеры и лилипуты	87
Споры грамотеев	90
Почему их так зовут-величают?	95
Сказка о том, как кот с плотом поспорили	103
Гласные-буфера	107

Для младшего возраста

Успенский Лев Васильевич
БЕДА С ЭТИМ КОЗЛИКОМ

Ответственный редактор Н. Л. Страшкова.

Художественный редактор В. Г. Смирнов.

Технический редактор Т. С. Тихомирова.

Корректоры Л. Л. Бубнова и В. Г. Шишкина.

ИБ 992

Сдано в набор 23/VIII 1977 г. Подписано к печати 13/XII 1977 г. Формат 70×100^{1/16}. Бумага офсетная № 1. Печ. л. 7. Усл. печ. л. 9,1. Уч.-изд. л. 6,1. Тираж 150 000 экз. Заказ № 425. Цена 50 коп. Ленинградское отделение ордена Трудового Красного Знамени издательства «Детская литература». Ленинград, 192187, наб. Кутузова, 6. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, 193036, 2-я Советская, 7.

50 коп.